

Запоминайте нас, пока мы есть!

Запоминайте нас, пока мы есть! раз —
Ведь мы еще на многое сгодимся. Возьмите все хорошее от нас,
Никто не знает, сколько мы прод- А минусы мы унесем с собою...
лимся,
А вот сейчас мы с вами, рядом, Мы вечно с вами толковать бы рады,
здесь, Но всех ветра когда-то унесут...
Запоминайте ж нас, пока мы тут,
Кто мы такие? В юности — солда- Тогда архивов и листвы не надо!
ты.
Потом — трудяги, скромно говоря. Когда ж потом, в далекие года,
Но многие торжественные даты Воспоминаний потускнеют нити,
Вписали мы в листки календаря. Вы подойдите к зеркалу тогда
И на себя внимательно взгляните.
Мы победили дьявольское пламя
И вознесли над пеплом города. И от взаимной нашей теплоты
Видать, нам вечно быть фронтови- Мир вспыхнет вдруг, взволнован-
ками ный и зыбкий.
И в дни войны, и в мирные года! И мы, сквозь ваши проступив чер-
ты,
Зазнались? Нет, смешно и ни к Вам улыбнемся дружеской улыб-
чему! кой...
Нам не пришлось бы в голову такое.
Когда пройдешь сквозь самое кру-
тое,
Тогда плюешь на эту кутерьму.

Э.Асадов

Что нам чины, восторгов междоме-
тья!
Да мы их и не ведали почти.
Нам важно, чтоб смогли вы обрести
Все то, что мы достигли в лихолет-
ья.

А чтобы жить вам светлою судьбою
И взмыть под звезды выше во сто

Детям войны 1941-1945 годов, малолетним труженикам тыла, всем, кто выстоял в тяжелейших испытаниях, помогая фронту, посвящается.

Детям, пережившим ту войну, Поклониться нужно до земли! В поле, в оккупации, в плену, Продержались, выжили, смогли! У станков стояли, как бойцы, На пределе сил, но не прогнулись И молились, чтобы их отцы С бойни той немыслимой верну- лись.	Ношу непомерную, святую, Чтоб скорее мира час настал. Истину познавшие простую. Каждый на своем посту стоял. Девочки и мальчики войны! На земле осталось вас немного. Дочери страны! Ее сыны! Чистые пред Родиной и Богом! В этот день и горестный, и светлый, Поклониться от души должны
Дети, что без детства повзрослели, Дети, обделенные войной, Вы в ту пору досыта не ели, Но честны перед своей страной. Мерзли вы в нетопленных кварти- рах, В гетто умирали и в печах. Было неуютно, страшно, сыро, Но несли на слабеньких плечах	Мы живым и не дожившим детям Той большой и праведной войны! Мира вам, здоровья, долголетия, Доброты, душевного тепла! И пускай нигде на целом свете Детство вновь не отберет война!
	Валентина САЛИЙ, поэтесса Республики Коми

Уважаемый читатель!

Держа в руках эту книжку, читая незамысловатые строки наших воспоминаний, не отнесись к ним со снисходительной улыбкой, а постарайся открыть своё сердце состраданию, уважению и гордости за твоих престарелых родственников, знакомых, неизвестных тебе никольчан.

Пусть не напрасными будут наши детские слёзы, страдания от непосильного, не детского, труда.

Нам было тяжелее, чем славным победителям-воинам. Солдат, имея в руках оружие, мог защитить себя. Мы же были безоружными перед голодной и холодной смертью, мы могли только плакать, но жить и помогать приближать Победу. В ней есть частица и наших заслуг.

Прочти об этом. Мы достойны твоего внимания.

С уважением члены общественной организации «Дети войны - малолетние труженики тыла» г. Никольское.

Друзья мои, однополчане!

*Другого слова я не подберу.
Вы, как солдаты, родину спасали,
Неся на детских плечиках войну!*

Вашему поколению выпали тяжелейшие испытания, легшие на ваши детские души в грозные для нашей Родины дни. И тем ярче свет Великой Победы, что в нём есть частица ваших заслуг, вашего героического труда на заводах, на колхозных полях и на других непосильных детям работах.

После военных годин вы поднимали из руин порушенные войной города, деревни, фабрики, сельское хозяйство.

Не напрасно прошла жизнь детей войны, нет, не напрасно. Вы одолели вместе со взрослыми всю тяжесть лихолетья, и до сих пор вы на передовой: в общественной жизни, на работе, в своей семье несёте ответственную обязанность матерей - кормилиц, отцов-защитников.

А потому каждый, не испытавший ваших страданий, умерив в себе горделивую спесь, каждый, от президента до местного депутата, до тебя, рядовой читатель, должен поклониться им, детям войны - труженикам тыла. Вечная память тем, кого уже нет с нами, а ныне живущим – Слава! Слава! Слава!

М.И.Игнатович, член Правления РОО и председатель
отделения организации «Дети войны» города Никольское

Его узнал я не из книжки-
Жестокое слово – война!
Прожекторов яростной вспышкой
К нам в детство ворвалась она.
Смертельными тоннами стали,
Сиреной тревоги ночной.
В те дни мы в войну не играли-
Мы просто дышали войной.

А.Иоффе, поэт

Я Абрамова Лилия Михайловна родилась 12 февраля 1945 года в г. Рыбинске Ярославская область.

Родители: Абрамов Михаил Иванович, простой рабочий, в первые дни войны был призван на флот, где и погиб во время охраны складов с оружием. Мать, Абрамова Александра Петровна всю жизнь работала на тяжёлых работах. Детство моё прошло в бедности, в голоде, как у миллионов детей такого возраста. Но мне к тому же долго приходилась скитаться по белому свету, так дом в Рыбинске за время нашего отсутствия в эвакуации разрушили временные жильцы. Наша семья из четырёх человек: мама, я, старшая сестра и брат. Нашли и сняли комнату, в которой ничего не было. Комната была похожа на подвал, но что было делать? Всё же не под открытым небом. Однажды мама собралась и поехала в деревню, в которую нас эвакуировали из Рыбинска, чтобы забрать кое-какие вещи, да так там и осталась, так как сильно заболела. И с нами её не было больше года. Для нас наступило самое трудное время жизни. Да какая там жизнь? Мы быстро оказались под влиянием старших, таких же бездомных, грязных и голодных. Они нас насильно посылали лазать в чужие квартиры через форточки в поисках чего-либо съедобного или какой-либо подходящей вещи. Но нам от украденного всё равно ничего не доставалось. И мы старались от них скрываться, прятаться, убегать. Но они всё равно не давали нам покоя. Да и голод донимал. и мы повадились ходить в столовые и даже рестораны. А как было мимо них пройти? Ведь запах еды из окон был слышен далеко. Мы затаивались в дверях в ожидании великого счастья. И это счастье наступало...Кто-то из посетителей заказывал блюда и наслаждался вкусным обедом, завтраком или ужином, мы тут же подбегали к столу и хватали всё, что на нём было. Если стоял суп, то тут же через край выпивали его.

Нас, конечно, гнали отовсюду, ведь мы были грязные, невыносимо худющие, вшивые.

Однажды мы с такой же бродяжкой, как и я, решили из Рыбинска уехать. Уж очень нас донимали старшие: отнимали всё, что нами добывалось на пропитание. Добывать еду было большим риском, могли

забрать в колонию. Этого мы боялись больше всего.

Мы подошли к пассажирскому поезду и стали ждать его отбытия. Поезд тронулся, проводница закрыла дверь вагона. Я тут же рванулась бежать, догнала вагон и вскочила на подножку. Так я доехала до станции Шестихино. Поезд стал притормаживать, проводница открыла дверь вагона и, увидев меня, безжалостно столкнула. Бог милостив, особенно к детям. Я осталась жива и невредима. А вот судьбы своей напарницы по побегу я не знаю.

В Шестихино меня приютила одна добрейшая семья учителей. Живя у них, я закончила 4-й класс. Во время войны я училась в сельской школе, где закончила три класса. Школа была очень маленькая, всего один учитель на два класса. Тетрадей совсем не было, но мы все равно писали на старых книгах, на клочках бумаги, кто на чём. А учебники выдавались в школе, их мы очень берегли. Однажды к моим спасителям из Рыбинска приехала родственница. Она-то и сказала, что видела в городе мою маму. Начались летние каникулы, меня отпустили в Рыбинск. Спустя несколько дней поисков я нашла маму, старшую сестру и брата. Теперь начались совместные скитания, так как жить было негде. Мама и сестра работали уборщицами, я им помогала. Однажды знакомая мамы посоветовала написать письмо-жалобу самому И.В.Сталину, о том, что нам негде жить. Я написала, и, представьте, письмо дошло! Вскоре начальство вызвало маму и предложило 12-метровую комнату. Мы были так счастливы: есть работа и жильё!

На шестнадцатом году жизни по рекомендации райкома комсомола я устроилась на спичечную фабрику «Маяк» курьером, а затем была переведена в цех. Стала учиться в школе рабочей молодёжи, по окончании которой перешла работать на Рыбинский кабельный завод. Здесь началась моя активная творческая жизнь. Я стала писать стихи.

На работе всё ладилось. Я возглавила бригаду коммунистического труда, которая стала лучшей в Рыбинске и даже в области. За хорошую работу меня премировали путёвкой в санаторий.

Как видите, из бродячего ребёнка-скитальца комсомольская организация, которой руководила коммунистическая партия, сформировала Человека. А окажись бы я в такой ситуации в нынешнее время... Даже страшно подумать, что со мной было бы...

Я не собиралась уезжать из родного города, где всё у меня хорошо

складывалось. Но однажды на завод приехал представитель Ленинградского завода «Сокол». Завод открывал новый цех и нужны были опытные рабочие. Мне предложили поехать, и я после недолгих раздумий согласилась. Так я оказалась в Никольском. Меня назначили бригадиром наладчиков. Работа была трудная, но я успешно с ней справлялась. Кроме того, занималась общественными делами. Всюду успевала. Ах, молодость, молодость, до чего ж ты тороплива и быстротечна...

Жизнь продолжала радовать меня сюрпризами. На одном из праздничных банкетов представитель военкомата предложил мне по оргнабору рабочих за границу поехать в Чехословакию. Я, не колеблясь, согласилась. В Чехословакии я стала работать официанткой, вела комитет «Дружбы народов», была членом профсоюзного комитета. Вскоре меня назначили проводником в правительственный поезд. До этого я некоторое время работала в нём официанткой в ресторане. Очень ответственная была работа, но и весьма интересная. Побывала во многих зарубежных странах, да и Россию посмотрела почти всю. Встречала и обслуживала многих руководителей государства, в том числе М.Горбачёва и его жену, Б.Ельцина, за которого частенько приходилось краснеть, так как он перебирал со спиртным. Пользовались нашим поездом руководители Чехословакии, Польши, Кореи, Китая, Японии.

Но вот закончился мой договорной срок, и я вернулась в Никольское. Перестройка шла полным ходом, и страшно было видеть, как безжалостно разрушаются российские деревни, которые в послевоенное время мы возрождали. Сельскохозяйственная продукция хлынула из-за границы, а на колхозных российских полях стали воздвигать для неё склады. Это, по меньшей мере, кощунство, а по большей - предательство.

Суд истории даст этому оценку.

БАЛЛАДА О ДЕТЯХ ВОЙНЫ.

Мы дети войны. Нам с пелёнок досталось познать беспределы невзгод.
Был голод. Был холод. Ночами не спалось. От гари чернел небосвод.

От взрывов и плача земля содрогалась. Не знали мы детских забав...

... А в голод спасала лишь корочка хлеба, очистки картофеля, жмых.

И падали бомбы на головы с неба, не всех оставляя в живых.

Нам, детям войны, много горя досталось. Победа наградой была.

Страницы лет страшных в души вписались. Боль отклик у эха нашла.

Лина Томчи

Авилкина Аля Васильевна, русская, 1936г рождения, родилась в Москве, образование среднее -техническое.

В начале войны мы с родителями жили на окраине Москвы. Кроме меня в семье было еще 2 сестры. В одной комнатке нас ютилось 5 человек. Мы росли сами по себе, т.к. родителям некогда было с нами заниматься, работали оба: отец - плотником, а мама - дворником.

Когда началась война, отец ушел на фронт, а мы с мамой уехали в деревню Соколово, Шеховского района, Московской области. Вскоре в нашу деревню ворвались немцы. Они ходили по домам, отбирали продукты, скот, а молодежь угоняли в Германию. Мы постоянно жили в страхе.

При наступлении наших войск, немцы стали поджигать дома, сгорела вся деревня. Я никогда не забуду это страшное зрелище: немцы выгоняли всех из домов, а это было зимой, и я с младшей сестрой, сидя в корыте (туда нас мама посадила и укутала) с ужасом смотрели на пылающий огонь - тогда мне было 5 лет, а сестре 3 года. После окончания войны мы вернулись в Москву, в свою комнатку.

Послевоенное время было тяжело и голодно. Ели лебеду, собирали желуди, а самое большое и любимое лакомство для нас был жмых - отходы от выжатых семечек.

Потом началась школа, были перебои электричеством и теплом. По окончании школы я поступила в техникум. Во время учебы в течение нескольких лет мы помогали совхозам на уборке урожая, на прополке. Окончив техникум, я по распределению уехала на Урал, в Пермь. Выйдя замуж, с мужем приехала на его родину- (1968г) пос. Никольское. Устроилась на работу на завод «Сокол», где отработала 29 лет. В настоящее время живу в Никольском, на пенсии.

А мы не станем памяти перечить
И вспомним дни далекие, когда
Упала нам на слабенькие плечи
Огромная, не детская беда.
Была зима и жесткой и метельной,
Была судьба у всех людей одна.

У нас и детства не было отдельно,
А были вместе – детство и война...
...Года пройдут, но эти дни и ночи
Придут не раз во сне тебе и мне.
И, пусть мы были маленькими очень,
Мы тоже победили в той войне

Р. Рождественский

Алексеева Мария Семёновна, девичья фамилия - Иванова, русская. Родилась в 1933 г. Псковская обл. Середкинский р-он д. Подполозье. Образование 2 класса. Отец Иванов Семён Иванович, мать Иванова Анастасия Дмитриевна. Работали в колхозе. Дали нам хорошее воспитание. В семье было четверо детей. Трое сыновей и одна дочь. В школе я училась в начале войны. Учителя были очень хорошие. Учебников было мало. Один учебник на класс. Одежда была плохая.

Немцы приехали к нам в деревню на мотоциклах и лошадях. Начались бомбёжки. Мы уходили в лес и жили в окопах, прятались, т.к. немцы увозили детей в Германию. У нас в хозяйстве была корова. Мы её очень берегли. Куда шли сами, туда её с собой брали.

Зимой немцы принудительно всё население, и нас, детей, в том числе, заставляли чистить дороги, чтоб им легче было свою военную технику перемещать. Бывало, из лесов к нам выходили партизаны запастись скудными продуктами или оставить больных и раненых на время, но немцам мы их не выдавали.

После войны в школу уже не пошла. При карточной системе жилось не легче, чем в войну, и пришлось идти работать, чтоб получать карточку не иждивенца, а работающего.

Судьба привела меня в Никольское Тосненского района. Работала на Керамическом заводе до пенсии, получила медаль «Ветеран Труда».

Савичева Надежда Фёдоровна, в девичестве Весельцова – русская.

Родилась 24.08.1941 г. д. Лиховидово Любимского района Ярославской обл. Образование 8 классов.

Мои родители: папа - Весельцов Фёдор Филиппович, уроженец Ярославской области. Работал в колхозе председателем. Мама – в девичестве Румянцева Анна Дмитриевна – тоже работала в колхозе на ферме и в поле. Я папу не помню, так как он ушёл на фронт, а мне было два месяца, но по рассказам старшей сестры, он был ласковый и добрый. Если он придет из города, то всегда привозил всем подарки, а если придет ночью, обязательно разбудит всех и заставит примерять обновы и что-нибудь вкусное покушать. Ну, а мама, конечно, до сих

пор живёт во мне, как человек труда, доброты. Воспитала одна нас четверых, так как папа погиб на войне.

В начале войны мы проживали в д.Лиховидово, а в 1946г. переехали в г.Любим.

Проживали по съёмным комнатам три года. В 1949г. Купили маленький домик в д.Новое Останково. Там я закончила 7 классов. Потом мы с мамой, оставшись вдвоём, переехали в Ленинградскую область Тосненский район д.Перевоз, где проживали наши родные, уехавшие по вербовке на стройку кирпичного завода. Купили домик, и я ходила в 8-ой класс в Никольскую школу.

Окончив школу, я пошла работать на завод ЛЗСК сначала малолеткой, а когда мне исполнилось 18 лет - на садку кирпича – очень тяжёлая работа - с 1958 – 1975.

С 2007г. ушла на заслуженный отдых. Имею двоих дочерей.

Алексеева Валентина Матвеевна, родилась 5 октября 1937 г. в деревне Юркино, Тимоненского сельсовета Мошенского района Новгородской области. Образование – начальное.

Родители, колхозники, привили нам любовь к труду. До начала войны жили по выше указанному адресу, в собственном маленьком домике. Было своё небольшое хозяйство, держали овец, кур. Нас у родителей было четверо детей, две сестры, брат и я – последняя. Детских садиков не было. Старшие ходили в школу, меня оставляли одну. Одевались во всё старенькое. В первые же дни войны отца забрали на фронт, и уже в 1944 г. он был учтён пропавшем без вести. Отец писал письма. Сначала он воевал на Ленинградском фронте, затем отправлен под Лугу и больше писем от отца не получали.

В школу я пошла в 1945 г. Это было небольшое деревянное здание. Хорошо помню свою учительницу, звали её Мария Михеевна. Она вела сразу 2 класса, 1-ый и 3-ый, одновременно. Она была очень добрая, вежливая, сочувствовала нам, жалела. Учебники доставались от своих сестёр и брата. В школу ходили в соседнюю деревню до 4-го класса за 1 километр. Во время разлива, мальчики разували сапоги, а мы, де-

вочки так и шли в сапогах. На берегу их выжимали, обували заново и целый день сидели в этой обуви. Немцев у нас не было, но обстрелы происходили с воздуха. Во время обстрела, мы ложились вниз лицом в канавы, прятались. Окна завешивали газетами, чтобы не было видно света. Было очень голодно, чёрный хлеб ели с разными примесями. Ели льняные отработки, сушили цветки клевера, добавляли немного муки и пекли. На фронт отправляли самое лучшее, в приказном порядке, давали норму, сушили картошку. Мать на фронт вязала носки, варежки. Немцы были в соседнем районе. Во время бомбёжки мать выводила нас в лес, наказывали из местного руководства меньше выходить на улицу. Родители и дети помогали колхозу, пилили дрова, носили воду, косили, словом помогали колхозу. На всю оставшуюся жизнь мне запомнился голод и холод. Питались тем, что сами могли чего добыть.

Начиная с 5-го класса, мы дети, учились за 4-5 километров в другой деревне. Учебники переходили от старших сестёр. Хорошо помню учителей: Гаврилову Анну Гавриловну, Валентину Николаевну, Тимофеева Ивана Тимофеевича, Лидию Анатольевну, директора школы Нину Лаврентьевну. О них сохранились хорошие воспоминания.

Когда мне исполнилось 18 лет, мы дети, уехали кто куда, в поисках работы и жилья, так как в этом доме жить было больше нельзя (старый). Мать осталась в колхозе. Я уехала в ближайший совхоз, в Новгородскую область. Трудно было с жильём, приходилось часто менять место жительства. В 1958 г. я с мужем приехала в Никольское. Сначала работала в детском садике, затем на керамическом заводе, а с 1970 г. по 1995 г. работала на заводе им. Калинина - электромонтажницей. В настоящее время проживаю в квартире, заработанной в советское время, имею 2-х детей и внуков. По поводу современной жизни, думаю, что мы достойны более хорошей доли.

Ваша юность осталась далеко.
На полях, в заводских корпусах...
Вас косили недуги до срока.
И глаза часто были в слезах.
Повенчала судьба с непокоем.
Да и горя хлебнули сполна.
В окаянное время лихое
Женихов отобрала война.

Все снесли ваши плечи тугие,
Но согнулись под тяжестью лет.
И теперь нелегко вас, родные,
Уберечь от сегодняшних бед.
Ни похвал, ни наград вам не надо.
Вы всегда оптимизма полны.
...Были б дети любимые рядом.
Да не знали бы внуки войны.

Зоя Крылова, поэтесса, г. Рыбинск

Алексеева Мария Анисимовна (девичья Кириллова) родилась 18 июня 1926-го года, русская. Родилась в деревне Козловка, Торопецкого района, Калининской области.

Отец Кириллов Анисим Кириллович был георгиевским кавалером - он воевал в первую мировую, попал в плен и пробыл в Германии пять лет. У него была большая семья, а времена были голодные, поэтому он старался везде заработать - даже ездил на своей лошади в Мурманск лед колоть. Отец был очень умным и обходительным с людьми. Он очень красиво разговаривал, обращался к другому «милейший», всегда умел вставить красивое словечко.

Мать Васильева Анна Васильевна 1885-го года рождения. Жизнь у нее была тяжелая. Пережила революцию, голод, первую и вторую мировую войну. У мамы было рождено двенадцать детей. Но шестеро первых умерли маленькими от болезней, а один из сыновей - Леша, погиб на войне. Леша учился в танковом училище в Ленинграде и погиб в 1943 году, вместе со всем экипажем танка. У мамы была тяжелая жизнь, но она оставалась очень доброй, никогда не повышала голос. У нее была очень хорошая память - могла часами рассказывать сказки своим внукам. Умерла восьмидесяти шести лет жизни.

У Марии Анисимовны начальное образование, закончила начальные классы в деревне Козловка - дальше учиться было негде, да и родителям нужно было помогать. Школа была маленькая, деревянная, но в ней всегда было тепло и уютно. Книги и тетради выдавали бесплатно, а карандаши и ручки покупали нам родители. Война настигла всех жителей деревни неожиданно. Сначала налетели самолеты как черные вороны, сбрасывая на жителей бомбы. В то утро половина деревни была разрушена и сгоревшая, к вечеру появились немцы. Они остановились в нашей деревне, да и сама комендатура разместилась в одном из домов. В нашей семье было восемь человек - нас детей - пятеро, а шестой уже был забран на фронт. Немцы жили в нашем доме, в сарае, в бане.

Нас они не обижали, но кур, овец, поросенка и другие продукты поели, считая как свои. Корову нетронули, но отец, опасаясь, что её немцы пустят

поднож, однажды ночью увёл в лес, как впрочем и другие жители деревни. По утрам Мария Анисимовна вставала раньше всех и украдкой уходила в лес, чтобы коровушку напоить, накормить и подоить. Один из немцев заметил уход девочки ранним утром в лес и опросил отца, а отец хорошо говорил по-немецки, потому что был у них в плену:

- Куда уходит по утрам ваша дочь? Вероятно к партизанам!

- Нет, не к партизанам. Коровушка у нас спрятана в лесу от бомбежек. Не станет коровы - семье без неё не выжить.

- Наши заметят девочку, подумают, что к партизанам и обязательно застрелят - пояснил немец. И вздохнув, с грустью добавил:

- Ах, война, война из-за чего нужна? Народу она не нужна, но не насытым... Надо, чтобы наш офицер не заметил уход девочки. Он не пощадит... После этого отец сильно боялся за жизнь дочери, но что было делать? В лес ходить все равно надо было. Девочка ходила в лес к корове до дня освобождения от немцев нашей деревни.

Кто знает, возможно, и немецкий офицер знал о походе девочки по утрам в лес, но бог миловал, и я осталась жива и корова наша тоже. Вокруг нашей деревни шли страшные бои, а после затишья всюду были убитые. Чувствовалось, что деревня оставалась, пока, в руках немцев.

Люди выходили из укрытий один за другим и в ужасе узнавали среди убитых, не только русских и немецких солдат, но и жителей деревни. Во время затишья немцы разрешали хоронить всех погибших в одну, огромных размеров, могилу...

Было очень много и раненых солдат. Они лежали много дней без какой-либо помощи истекая кровью, местные жители помогали им чем могли. В тот день отец заметил, что немцы спешно собираются покинуть нашу деревню. Отец подошёл к одному из тех, что жили в нашем доме, и попросил забрать раненых бойцов, чтобы отвезти их в районную больницу, в Торопец. Немецкий солдат побежал к своему офицеру за разрешением. Офицер разрешил погрузить в грузовую машину раненых, и они уехали.

А на второй день отец пошёл в лес, чтобы пригнать корову домой и обнаружил на обочине дороги обгоревшие трупы.

- Вот зачем офицер разрешил взять с собой раненых русских бойцов. Господи! Какая их ужасная смерть ожидала...

Вернулся домой, взял лопату и всех солдат похоронил. Могилу вы-

копал не большую, но она и не нужна была большая-то... А недалеко от деревни, в лесу прятались в окопах выходившие из окружения солдаты. Так их один из деревенских фашистам и выдал. Их всех в Торопце потом расстреляли. Предателя поймали, а он оговорил своего соседа, будто тот выдал солдат. И хотел их трибунал обоих расстрелять за солдатиков погибших. И надо ж было такому случиться - один из солдат после расстрела выжил, его спрятали жители Торопца и выходили. Вот он и указал, кто настоящий предатель, а того, кого оговорили - выпустили... Вскоре немцы стали уходить, их отправляли на фронт под Москву, и немецкие солдаты, собирая свои вещи, говорили между собой:

- Совсем скоро нам всем «капут».

А отцу говорили:

- Если останемся живы, можно ли заехать к вам передохнуть?

Сами очень плакали, и проклинали тех, кто развязал эту страшную войну, и утверждали, что им родного дома не придётся увидеть.

После освобождения нашей деревни, нас, молодых, ежедневно посылали расчищать от снежных заносов центральную дорогу, рыть окопы, дзоты и выполнять другие тяжелые работы для фронта, никто не смотрел на возраст 14-16 лет, нужно было помогать взрослым. За невыполнение нормы могли и без ужина оставить. Иногда налетали немецкие самолеты, сбрасывали бомбы и листовки. Листовки подбирать запрещалось, но мы все равно прочитали их. Там было написано: «Девочки и дамочки, не ройте нашим ямочки. Придут наши таночки - заруют ваши ямочки». Очень было нам страшно... Во время войны меня и мою сестру Шуру отправили в ФЗУ. Тогда всю молодежь собирали и отправляли на Урал, чтобы немцы не угнали в Германию. В дороге мы были в голоде и холоде около двух недель. Во время остановки поезда самые отчаянные парни выскакивали из вагона и выхватывали продукты у тех, кто торговал на вокзале. Воровали, конечно, но есть было совсем нечего. Я пыталась сбежать домой несколько раз - очень плакала, скучала. Но нас всегда ловили и отправляли дальше. Один раз за всю дорогу нас накормили, а мы и тому были рады. Доехали, слава Богу, до места назначения. А там работали как взрослые, никакой скидки на возраст не было. Что и говорить - очень тяжело было, но во время всенастрадались и намучились... Удалось уехать из ФЗУ домой только в 1948 году. А до этого - не от-

пускали. Нужны были рабочие руки, все развалено было в стране. Война уж 3 года, как закончилась, так хотелось домой, в деревню, к маме... Вот и поехала в отпуск, а обратно решила не ехать. Чуть в тюрьму за это не посадили... Пережила все трудности, имею медаль за доблестный труд в тылу. Современная жизнь меня устраивает - вокруг любящие дети, внуки и правнуки. Вот только деревень мне жаль - в мирное время их погубили, в войну дети и женщины не дали хозяйству рухнуть, а сегодня... Позор да и только. Но нужно уметь радоваться каждому дню и каждому хорошему человеку.

Победа девятого мая,
Великим был праздник страны,
Останется память живая
У нас, детей страшной войны.
В небытие идут ветераны,
Всё менее их каждый год,
Болезни и старые раны
Ведут их в последний поход.
Отчизну спасли дорогую,
Лишь ветер поёт песни им,
Последнюю память живую
Мы, дети войны, сохраним.

Анатолий Болутенко

Алёшина (дев. Аверьянова) Римма Николаевна. Русская. Родилась 2 марта 1935г. в городе Иванове.

Образование среднее. Отец: Аверьянов Николай Иванович, рабочий. Мать: Аверьянова Анна Ивановна, домохозяйка.

Нас у родителей было трое детей, два брата и я, самая младшая. Жили в частном домике. В 1939 г. умерла мама.

С первых дней войны отца забрали, а уже в июне 1942г его не стало, был смертельно ранен в бою в Калужской области. ПослеэтогонасазбраланавоспитаниебабушкавоВладимирскуюобласть вгор. Камешково. Жили бедно, на улицу почти не выходили, было не в чем. В 1944г там же пошла в школу, она была небольшая. Свою учительни-

цу хорошо помню, звали её Анна Ивановна. Она была очень строгая, я её боялась. Тетрадей не было, писали на использованной бумаге, но учебники всегда выдавали. Местное руководство иногда помогало нам, сиротам, одеждой, поступала американская гуманитарная помощь, но продуктов мы не видели. Мои братья к тому времени работали на предприятии. В Иванове окна были закрыты черными мешочками. Во время бомбежки забегали в дома, прятались, но немцев мы не видели. В конце войны и после пленные немцы работали на предприятии, их было очень много, из их одежды мы что-то перешивали себе. В Коврове было несколько заводов, работали на оборону. Немцев охраняли румыны, там стояли их части. Жили в то время очень бедно, опухали, по 2-3 дня ничего не ели. Бабушка ходила по деревне, собирала милостыню, некоторые ругались, были случаи, спускали собак те, кто держал что-то из подсобного хозяйства, душили налогами, сдавали молоко, яйца, шерсть. В Камешково, от школы, нас заставляли работать на полях, собирать колоски и картошку. Всё было очень строго. За опоздание на работу на 15 минут, ждала тюрьма.

Самое памятное событие для меня это 9 мая 1945г. Мне было 10 лет. Утром загудели гудки, я собиралась в школу. Люди высыпали на улицу. «Куда вы идете?» – спросила я. «Победа, сегодня занятий не будет!». Я заплакала, ведь, отца больше не увижу. Этот день был незабываемым! Был салют! Кто плакал, кто смеялся.

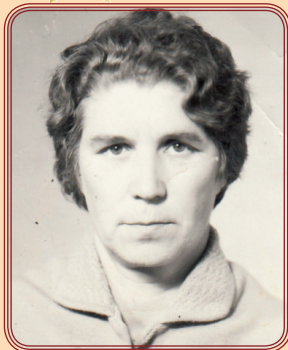
В 1954 году я окончила школу и приехала в Никольское, к дяде, он здесь работал главным инженером на пороховом Заводе, ныне завод «Сокол». Брат тоже после армии приехал к дяде. После отмены карточной системы мы сразу же купили четыре буханки хлеба, пили чай из сухой морковки. По приезду к дяде жили в двух комнатах, затем получили трехкомнатную квартиру, было уже поровное отопление, освещение. Здесь я поступила в кулинарную школу, двухгодичную, затем уехала к бабушке на работу в Камешково, где отработала в санатории поваром два года, затем поехала ко второму брату, в Ригу, устроилась на завод «ВЭФ» делала аппаратуру. Отработала там пять лет с 1954-1964 год и снова вернулась в Никольское, здесь же вышла замуж. Устроилась на завод «Сокол», отработала двадцать семь лет. Вырастила двух сыновей. Живу в квартире, заработав её в советское время. Живу средне, как большинство пенсионеров, к роскоши непривычных.

Анисимова Мария Ивановна (дев. Образцова).
Родилась 8 июня 1937 г в Калининской области
Образование начальное, 4 класса. Отец: Образцов Иван Гаврилович. Колхозник
Мать: Образцова Анна Васильевна. Рабочая.

В начале войны мы проживали в поселке Ломник. Нас у родителей было трое детей, все сестры, я средняя. Жили в маленьком частном домике, имели небольшое хозяйство. Изолна делали нитки, отбеливали и шили одежду. Наш хутор состоял из семи домов. Когда началась война, отца забрали на войну. В 1942 году он пропал без вести. Немцев у нас не было, но обстрелы, бомбежки были слышны. В то время мы жили в лесу, кругом были вырыты окопы. Колхозы были бедными, семью спасало крошево, варили похлебку. В конце года за трудодни выдавали зерно, но очень мало. Во время войны в лесу были партизаны, они заходили в хутор, чтобы найти чего-нибудь из продовольствия. Все население в послевоенное время работало на полях, вместе с детьми, зарабатывая трудодни.

После войны я закончила 4 класса. Кроме картошки ничего не видели. И то с оглядкой. Из одежды почти ничего не было. В основном ходили в лаптях. Во время учебы писали на всём, что находили. Хорошо помню учительницу. Она была добрая, спокойная, запомнилась на всю жизнь, Звали ее Татьяна Михайловна. Отапливались дровами, в доме горели керосиновые лампы. Закончив школу, летом я работала на поле, зимой на ледяной дороге, её расчищали для перевозки леса. Потом лес сплавляли по реке. В 14 лет я уехала в район к тете, устроилась на работу. Катала в артели валенки, где проработала два года. В 1953 г приехала к родственникам в Никольское. Устроилась в СМУ маляром. Отработав три года, перешла на кирпичный завод на садку кирпича. В 1958 г я родила сына, вышла замуж. Отработав на заводе 15 лет, я по состоянию здоровья перешла на завод им. Калинина, где отработала 7,5 лет. Перед этим, когда трудилась на Ленстройкерамике, я три года прожила в Сирии. Мужа отправляли на обучение в качестве наладчика. Нужно было ехать с жёнами. Прожили мы там три года. После завода им. Калинина я вышла на заслуженный отдых.

Антипова Таисия Сергеевна, в девичестве Леонтьева, русская, 1934 г. Родилась: Волховский р-он, Ленинградская область, д. Блитово. Образование-7 классов. Мои родители: отец - Сергей Иванович, мама Анна Петровна, работали в колхозе. Они дали нам всем кое - какое, но образование. Оставили добрую память о себе. Проживали и до войны, и после войны в д. Блитово. Семья была большая -7 человек детей. А когда папа не пришёл с войны, и маме тяжело было нас подни-

мать, она вышла за вдовца с 3 детьми. Жили в тесноте, но не в обиде. В начальных классах я училась в деревне Бережки на берегу реки Волхов в одном километре от нашей деревни. Учили по два класса в одной комнате. Учительница была пожилая. Звали её Евгения Петровна, она была строгая, но справедливая. Учебники нам младшим доставались от старших. Одежда тоже после старших. Но в школу носили что-то лучше. Но бывало и такое, что обувь носили двое одну. Один придёт из школы, а другой во вторую смену и хоть велики валенки, но что делать, влезашь в них и бегом на уроки. 1947 г. окончила 7 классов и поехала в город Волхов учиться в ФЗУ на штукатура. Выучилась, в 1951 г. приехала в Тосненский р-он на завод сухого прессования. Работала я на стройке и маляром, и штукатуром, и на кране. Надо было строить дома для людей, которых вербовали на стройку кирпичного завода. В моей памяти детской помнятся немцы, какие-то все одинаковые, в касках и говорили на непонятном нам языке. Они были на мотоциклах. Отобрали у нас дом, да и не только у нас, у многих, а мы ютились по две семьи в нескольких домах. Они жили и ели нашу скотину, которую мы не успели увести лес. Благодаря тому, что наша деревня стояла у леса, немцы стояли у нас недолго, они боялись партизан. Карательный отряд прошёл по другому берегу Волхова, и к нам в деревню не попал. Убегая, они жгли дома и убивали все, кто им мешал. Мой старший брат перед войной служил в армии, из армии попал на фронт. Был убит, не провоевав и года. Сестра, ей было 14 лет, работала в госпитале. Я помогала ей, стирала и ухаживала за ранеными. Мой отец так же, как и многие, не вернулся с войны.

Архипова Антонина Мефодьевна, 1933 года рождения, уроженка Смоленской области Ямонастыршинского района д. Пятское. Родители проживали в своём доме в деревне всю жизнь, работали в колхозе. В семье было четверо детей. До войны жили за счёт своего хозяйства, дали всем детям семилетнее образование.

Деревня располагалась недалеко от Смоленска, на главной магистрали. В мирное время это считалось выгодным местоположением, а вот война показала обратное: мы оказались в центре боёв за Смоленск. Мы находились на той линии, куда снаряды летели с обеих сторон. Жуткие бомбёжки, обстрелы, в домах не было ни одного стекла. Жили в окопчиках, крышей которым служил подручный материал : жерди, обломки досок, ветки, засыпанные землёй. Такое сооружение не выдерживало звуковых ударов во время бомбёжек и обрушивалось. Однажды я попала под такое обрушение и получила сотрясение мозга. Лечили народными средствами: растирали голову шерстяными носками да деревенский дед Назар , что-то нашептав на воду, обмывал мне голову. Расположение деревни в глубокой ложбине спасло нас от заселения немцев. Попытавшись спуститься на машинах и танках с крутых насыпей, окружавших поселение, они отказались от этой затеи и убрались в соседнее село. Но в покое не оставили. Ежедневно обходили дворы, собирая продукты питания. Если кто-то не давал «дань», били. Мама , зная это, уходя на работу в поле, оставляла на столе несколько яиц, чтобы нас, детей, не тронули. Однажды куры подвели и нечего было положить на стол к приходу «гостей». Дома осталась я. Когда вошедший в дом немец не обнаружил «дани», он схватил меня на пороге и с размаху швырнул на плетень. Рассеченная щека потом срослась, а вот бровь до сих пор напоминает мне о том дне.

Если у кого-то сохранились свиньи или корова, то хозяева обмазывали их грязью , а то и навозом, чтоб брезгливые немцы не угнали их. Это помогало. Моего брата 1927 года рождения мы прятали , так как немцы угоняли молодёжь в Германию. Особенно активно это делали, если узнавали, что деревня как-то связана с партизанами. Вокруг в наших лесах их было много. Частенько ночью они приходили за продуктами

и одеждой. У нас в деревне были староста и полицей, которые очень помогали партизанам. Женщины и девочки выращивали табак, шили кисеты (их снабжали записочками с бодрыми словами или стихами), вязали носки и варежки с двумя пальцами (чтоб удобнее стрелять) и переправляли партизанам. В соседней деревне, где жила наша бабушка, немцы узнали о связи жителей с партизанами и жестоко расправились с людьми. Согнали в одну избу и малых, и больших и взорвали её. У бабушки погибло пять сыновей.

Голод преследовал постоянно. Спасала весной мороженная гнилая картошка. Из неё женщины ухитрялись как-то состряпать подобие оладьев. Они назывались у нас «тибрики». До сих пор помню их вкус. А ещё не забыть звука немецкого самолёта, цвета немецкой одежды. Это так въелось в душу, что, когда в школе, где учился мой сын, обязали ребят носить форму, а она была цвета немецких френчей, я обратилась к директору с просьбой разрешить сыну носить чёрный костюм. Мне пошли навстречу.

Однажды в деревню пришли наши три военных разведчика. как все радовались! Качали их, целовали, несли продукты все, что имели. Стало понятно, что готовится наступление наших войск и придёт освобождение.

Наш папа погиб за месяц до дня победы. Перед этим от него пришло письмо с полным рассказом – отчётом о судьбах односельчан, ушедших на фронт. Получилось так, что все они служили в одной части. Отец в тот момент находился в медсанчасти, раненый, но мы надеялись, что он будет жив. Когда пришла похоронка, мы не знали, что делать с мамой, как её утешить и вернуть к жизни. Она очень убивалась по отцу.

О победе я узнала в школе. Радость была настолько сильна, что я упала в обморок.

Восстановление хозяйства было долгим и трудным. Мы уже посещали школу, писали на грифельных досочках карандашами (была версия, что это трофеи из Германии). Но попутно вместе со взрослыми копали лопатами заросшие за войну поля, таскали на себе вязанки травы. Лошадей как таковых не было, а попытки приспособить для вспашки и перевозки коров не привели к успеху. Они были чрезвычайно истощены.

После полевых работ ноги не двигались, и тогда мама брала палку

и, оседлав её, звала нас: «Садитесь, девки, домой поедem, а не пешком пойдём!». Мама была для нас центром мира. С ней мы выжили, мы понимали, каких трудов ей это стоило, и очень преклонялись перед ней.

В 1951 году я уехала к тётe в Никольское Тосненского района Ленинградской области и живу здесь до сих пор. Работала на кирпичном заводе, на военных заводах, была профгруппоргом и завкомом. Неофициального стажа работы можно насчитать свыше 60 лет. Имею звание «Ветеран труда». Только с 2013 года перестала ходить на работу. Но без дела сидеть скучно. Тогда я занялась устройством цветников у подъезда и уходом за брошенной кошкой Катей. Жизнью довольна. Страшные годы прошли, зато остались радости. Это мой сын и его семья. Цветы под окнами и Катька, которая вот – вот принесёт котят.

Атаманова Мария Митрофановна (девичья Ерохина). Русская. Родилась 22 декабря 1936г. в селе Туличево Комарического района Брянской области. Образование средние.

Отец: Ерохин Митрофан Ефимович, 1906 г. Был плотником.

Мать: Ерохина Дарья Григорьевна, 1905 г. Крестьянка, неграмотная.

Своим примером родители привили нам любовь к труду, нравственные качества, доброту. Нас у родителей было шестеро детей, я – четвёртая. В начале войны проживали там же. Жили нормально, имели подсобное хозяйство из двадцати пяти соток, занимались скотоводством. В школу до войны не ходила.

Война началась неожиданно, жестоко. Это было в 1942 г. Въезжали на мотоциклах, налетели, как чёрные тучи. В первый же день прихода немцев, сразу начали стрелять с воздуха, а мотоциклисты стали расквартировываться, выгоняли нас из домов. Люди бросились бежать кто куда, кто в погреба, кто в сараи. Моя мама не успела спрятаться, она стирала бельё. Мы дети, замерли, и переживали за неё, думали, что немцы убьют её. Эти минуты тянулись для нас вечностью. И вдруг мы увидели нашу маму, которую немцы ведут под руки и бросают к нам в погреб. Для нас это был ужасный стресс, который долго жил в наших сердцах. Мы стали жить в погребе немцы приходили и забирали у нас всё, особенно им нужен был чеснок чтобы делать колбасные изделия.

Распоряжались они, как хозяева, нас не считали за людей. Они ловили подростков чтобы те стирали им, чистили картошку и мыли посуду. С приходом немцев нас заставляли работать на поле и обслуживать их. Они думали, что останутся здесь навсегда. У нас в селе были предатели, которых в последствии немцы расстреливали. Свою корову мы прятали в лесу привязывали её к дереву чтобы она не убежала и приносили ей траву. Узнав про это немцы заехали в лес и с длинными кнутами и всех коров куда-то отправили. После этого жизнь стала очень тяжелой.

Немцы, часто устраивали гулянки, танцы под губную гармошку. Они боялись партизан, которые давали о себе знать, защищая людей ближайших деревень, систематически стреляли из леса, а немцы давали ответные очереди.

После войны мы очень голодали. С сёстрами мы ездили в лес, обдирали руками листья с липовых деревьев и из них делали лепёшки. Питались мороженой картошкой и пекли оладья. Отапливали дома дровами и торфом использовали вместо света керосиновые лампы. Кругом была темнота и грязь на улице.

После войны я пошла в школу. Учителями были Беседина Екатерина Сергеевна и Беседин Иван Захарьевич (муж и жена). Они были для нас учителями, врачами, психологами, друзьями и хорошими советчиками. Учительница за свои деньги купила одну книгу “Родная речь” и по ней мы тридцать человек, распределив время, выучивали тексты наизусть. Благодаря своей учительнице я посвятила себя этой же профессии.

В 1955 году я закончила, педагогическое училище и всю жизнь работала по воспитанию педагогом подрастающего поколения. Несмотря на переезды, так как мой муж был военным служащим, я проработала педагогом пятьдесят лет.

Я работала в школах учителем в Грузии, Азербайджане, на Кавказе и в городе Никольском. Когда туда ехал мой муж офицер, я ехала с ним, устраивалась в школу, где в классе было по 9-10 национальностей и для меня все были равны.

Сейчас мы живём неплохо. Внучка учится в высшем учебном заведении, мама у неё умерла. За учёбу мы платим сто пятьдесят тысяч рублей в год, это очень много! Недавно я ездила на Родину в Брянскую область. Каково было моё удивление, когда прежние места было не узнать. Всё заросло бурьяном и лебедой, а ведь это прекрасный чернозём! Неужели некому всё это возродить!

Хотелось бы употреблять свои продукты, пусть не очень красивые, но свои родные. Про инвалидов хочу сказать, Спасибо! Помощь есть и не малая.

О войне. Это слово, не дай боже слышать. Эта память детства никогда не умрёт! Пусть будет мир! Люди! Давайте вместе бороться за мир!

Атаманов Анатолий Фёдорович, 1935 года рождения, уроженец Брянской области.

Родители были колхозники, привили нам, детям, любовь к родине, трудолюбие.

В начале войны проживали в небольшом домике своим хозяйством, не бедствовали. Нам с сестрой было что кушать и в чём ходить.

Начал учиться в 1943 году, школа семилетка, двухэтажная. Хорошо помню своих учителей, они были требовательные, эрудированные и очень любили детей. Проблем с учебниками не было, а вот писать приходилось на газетах, между строк.

В 1942 году в селе появились немцы на танкетках. Стали интересоваться, где им лучше расположиться, подальше от леса. Так как они очень боялись его. Ночей боялись, а днём зверствовали, расстреливали людей, обирали население.

С первых дней войны отец ушёл на фронт. Семья была в трудном положении. Всё было отобрано. Немцы жили в нашем доме, а мы во дворе, в сарае. Всё население, кто мог держать лопату, заставляли работать на полях, рыть для них окопы. Очень они боялись леса и ночей. Ночью обычно выходили из леса партизаны и устраивали против немцев диверсии. А вот днём немцы держали население в страхе - расстреливали, особенно, если подозревали в ком-то коммуниста. В этом им помогали полицейские-предатели.

В 1944 году началось наступление наших войск. Недалеко от нас, под Севском, был страшный бой. Всё было перемешано: телеги, кони, люди «Наши» немцы бежали, оставив за собой страшное пожарище и разгром. При виде всего этого я стал заикаться.

Отец вернулся домой инвалидом. Сразу пошёл работать в колхоз. Вся деревня была на подножном корму, т. е. ели, что находили под но-

гами: мерзлую картошку, колоски, разоряли вороньи гнёзда, забирали яйца.

В школу ходили, почему-то с портретом Карла Маркса. С этого времени я увлёкся математикой. Прозвище появилось- «злой математик».

В 1959 г. я закончил 10 классов. Поступил в артиллерийское училище в гор. Белгород. В 1956 г. закончил это училище. Служил в гор. Боброве Воронежской области. Затем перевели на комсомольскую работу в г. Клинцы Брянской области с должности зам. начальника штаба дивизиона. Поступил в 1971 г. в академию. После академии - Закавказский военный округ под Тбилиси, потом перевели в Азербайджан, а оттуда в Тбилиси, на должность старшего преподавателя тактики.

В связи с развалом страны все пошло кувырком. Мы с женой вернулись в 1993 г. в Россию на военном самолете. Другим путём выбраться из царившего там хаоса было невозможно. Устроился на керамический завод в г. Никольское в качестве глазуровщика, отработав там 1-2 года, перешел в школу на должность преподавателя начальной военной подготовки. Отработал до 2005 года, а затем перешел на завод

«Сокол» контролером по охране. По сей день я тружусь там же. Именно награды за добросовестное служение Родине: медаль за отвагу, Орден Красной звезды. В армии прослужил 35 лет.

Васильева (Белоусова) Елена Михайловна, уроженка Витебской области, 1938 года рождения.

По рассказам матери, в войну прятались в лесу, в болоте. Дом сгорел, деревня тоже вся сожжена. Людей сгоняли в оставшийся сарай и сжигали живыми.

Когда папа пришёл с фронта, нам выделили делянку леса для постройки дома. Отец с мамой пилили лес, а мы с сестрой собирали ягоды, лебеду, какие-то шишки на полях (кажется, хвощ), весной перекапывали огород в поисках мерзлой и гнилой картошки, чтобы всё пустить в пищу.

Когда пришло время идти в школу, обнаружилось, что надеть нечего. И тогда я стала носить отцову фуфайку, рукава до земли. До самых морозов бегала на занятия босиком, потом сделали из дерева какие-то

башмаки. Учебников не было. Брали друг у друга, какие были. Чернила делали сами из каких-то лесных ягод. С 10 лет пасла коров, телят, свиней. Денег не давали, а трудодни оплачивали подсолнечным маслом. Весной сажали картошку, а вместо лошади запрягали нас, детей. Соседи помогали в посадке, потом мы к ним на помощь приходили.

В 15 лет я уехала «на свой хлеб» в Карелию на лесоразработки. Здесь впервые купила пальто, ботинки, шарфик. Оделась, сфотографировалась и послала карточку родителям.

Выйдя замуж, переехала жить в Никольское.

Баль (Якимова) Мария Петровна, 1933 года рождения, уроженка деревни Тетерькино Невельского района Псковской области.

Родители трудились в колхозе. Запомнились мне как очень хорошие люди. В начале войны мама умерла, и нас пятерых воспитывала тётя, мамина сестра. Отец погиб в 1944 году в Литве.

Всю войну прожили в своей деревне, школа не работала. Немцы наезжали за продуктами, но с населением обходились по – божески: не зверствовали.

вали.

После войны легче не стало. Питались травой, щавлем, картошкой. Отапливались дровами, освещались керосиновой лампой.

С 1952 года проживаю в Никольском. Работала на стройке, на керамическом заводе.

Солдатские прачки
Вы с нами делили
Нелёгкие
Будни похода,
Солдатские прачки
Весны сорок пятого года.
Вчерашние школьницы,
Мамины дочери,
Давно ль
Полоскали вы
Куклам платочки?
А здесь, у корыт,

Во дворе госпитальном
Своими ручонками
В мыле стиральном
До ссадин больных
На изъеденной коже
Смываете
С жёсткой солдатской
Одежи
Кровавую потную
Глину
Большого похода,
Солдатские прачки
Весны сорок пятого года.

Вот вы предо мною
Устало стоите.
Вздыхается
Дымная пена
В корыте...
А первое
Мирное
Синее небо —
Такое забудешь едва ли,
Не ваши ли руки
Его постирали?

(Н. Доризо)

Белозерцева Любовь Васильевна (Третьякова – деви́чья). Русская

Родилась 19 февраля 1935г. в Вологодской обл. Велико – Устюговского района в дер. Малиново. Образование – 8 классов. Отец: Третьяков Василий Алексеевич – рабочий. Мать: Третьякова Елизавета Афанасьевна – колхозница.

Нас у родителей было трое детей: два брата и я – самая старшая. До войны жили в пятистенке в большом доме. Хозяйство было хорошее, жили в достатке. Одевались хорошо, так как мама была рукодельницей, отец сапожничал, шил обувь.

В 1941 году, как только началась война, отца забрали на фронт.

В 1945 г. 1 февраля он погиб, сражаясь за родину в Эстонии.

Немцев и бомбёжек мы не видели, но был страшный голод. Всё продовольствие у населения отбирали и отправляли на фронт.

В 1942г. я пошла в 1-ый класс. Школы была деревянная, начальная. Одновременно учились 3 класса. Хорошо помню свою учительницу – Таисию Семёновну. Очень хорошая, добрая, внимательная. Учебник был на всю деревню один. Писали на газетах, листочках. Чернила – из свеклы, химические карандаши. В школу ходили, кто в чём, так как всё менялось на хлеб.

Помню, один раз мы получили гуманитарную помощь, но мы не использовали её, всё сожгли, были гордые. Так поступало в основном всё население. После школы, во время учёбы, мы собирали в поле колоски, овощи, помогали колхозу.

Всех мужиков, а их было тридцать семь, с песнями и гармошкой проводили на фронт. Вернулся только один, инвалидом.

Было очень строго. Население работало на полях, женщины пахали на плугах.

Моя мама умерла 8 декабря 1945 г., мне было тогда 10 лет. Я осталась сиротой. Меня забрала тётя в Великий Устюг, а братьев отдали в детский дом, поближе ко мне. Я работала нянькой у чужих людей за кусок хлеба. Хозяева попались неплохие. Отработала у них до 16 лет, до получения паспорта. Затем устроилась на фанерный завод и училась в вечерней школе. Работала по сменам до 1956 года. После я приехала

в Никольское, к другой тётке. Был открыт новый завод - Ленстройкерамика. Сначала работала на садке кирпича, на поддонах, после в д.саду №34. В 1980 г. ушла во 2-ой цех плиточный.

В 2000 году я вышла на пенсию. Имею трёх дочерей, внуков. Все выросли достойными людьми, мне помогают.

Бодня (Санчковская) Мария Михайловна, украинка. Родилась 1 августа 1935 года Житомирской области Любарского района в селе Меленцы.

Отец, Михаил Иванович, работал секретарём сельсовета, мать, Павлина Иосифовна, колхозница. От родителей привилось умение браться за любую работу и с усердием её выполнять.

Детей в семье было пятеро, жили в глиняной хате, вели подсобное хозяйство: корова, поросёнок, гуси. Жили небогато, обуви для детей не было

- летом ходили босиком, зимой сидели в хате.

В 1941 году в село вошли немцы. Они ехали на мотоциклах, лошадях, за плечами - винтовки. Сразу же стали стрелять, сжигать дома. Над селом повисли самолёты, и началась бомбёжка. Так немцы оккупировали территорию и двинулись дальше, оставив своё управление в лице старост и полицаев из числа жителей. Кто отказывался от этих «почестей», расстреливали или вешали.

Мы жили в землянках, чтоб не попасть под расстрел или поджог. Дети в основном передвигались на четвереньках, чтоб в рост не попала пуля. По ночам приходили какие-то люди, то ли партизаны, то ли немцы, и забирали продовольствие. Жители прятали продукты, закапывали в землю. Если немцы находили «захоронку», жестоко расправлялись: вешали, расстреливали, сжигали. Всё трудоспособное население в товарных вагонах отправлялось в Германию. Оккупация длилась два года.

В 1943 году нас освободили, и отец ушёл на фронт, где, будучи тяжело ранен, умер в госпитале. Захоронен на воинском кладбище в селе Великие Гаи Тернопольского района. Тернопольской области.

Помню день победы. Все работали в поле. Пришёл бригадир и сказал, что после обеда работа отменяется, так как у клуба будет митинг.

Кончилась война! Крики радости смешались с плачем: многие знали, что отцы и мужья домой не вернутся.

После победы впряглись в работу, дети в том числе. Мы работали в поле, грузили свёклу, лопатами перекапывали землю. В школу ходили 2-3 дня в неделю. Дома отапливались соломой, сухим бурьяном, сожались керосиновой лампой. Есть было нечего, собирали колосья, гнилую картошку, ели клевер, лебеду. Выжили...

На трудодни матери ничего не давали, но если не отработаешь за год 300 дней, пойдёшь в тюрьму, а детей по детским домам разместят. После войны я пошла в школу. Учебников, тетрадей не было. Писали на картонных коробках, оставленных немцами, на старых газетах. Чернила делали из бузины, а зимой из сажи. Со слов учителей запоминали и записывали. Учителя относились к нам очень хорошо, старались как можно больше вложить в нас знаний, занимались дополнительно.

7 классов закончила в 1951 году и уехала в г.Дубно Роменской области поступать в техникум. Получила справку на паспорт, уехала к брату в Купчино Ленинградской области на кирпичный завод, а затем в Никольское, где устроилась на завод «Ленстрой- керамика». 44 года отдала этому предприятию, но мой труд не пропал даром. Благодаря заводу, я обеспечена жильём, мои дети, работая здесь же, получили бесплатное образование и квартиры.

Вишнякова Валентина Намсараевна, родилась 24 марта 1934 года в Бурятской АССР в селе Ингорга.

Родители: отец-Попов Александр Логинович, в первые годы войны был призван на фронт военным врачом в санитарный поезд. Погиб в 1943 году во время бомбёжки.

Мать-Попова София Хамагановна, была сиротой и мачеха её продала в богатую семью, когда ей было пять лет, чтобы она нянчила детей. После войны мама работала сельской учительницей.

У моих родителей было четверо детей, я – младшая. Наш дом был ветхий. Когда шёл дождь, мы ставили тазы и вёдра, потому что с потолка бежала вода.

Я начала работать в колхозе с шести лет. Детство прошло в очень тяжёлых условиях, как и у миллионов детей того времени. Холод, голод, еда-трава и гнилая картошка. В шесть утра бригадир седлал лошадь, сажал меня на седло и привязывал верёвкой, чтобы не упала. Везла копны сена до поздней ночи, а если собирался дождь, то работали до двух-трёх ночи. Если я хотела в туалет, то женщины снимали меня с лошади и после снова привязывали к седлу. Я на ходу спала и всё время хотела есть. С питанием было очень плохо. Мама часто падала в обморок от голода, а в 1946 году умерла. Нас отдали в детский дом. Мне шёл восьмой год. В детском доме тоже было голодно. Утром выдавался маленький кусок хлеба и кружка воды, на обед суп-вода и несколько картошин, в ужин каша из отрубей.

На два года полагались парусиновые полукеды. Мы их надевали только чтобы дойти до школы, там на крыльце разувались и в школе носили на шнурках через плечо. Летом ходили босиком или в чём попало. На зиму давали валенки на три года, да и те старшие отнимали, а свои старые нам отдавали.

Я в двенадцать лет с двумя друзьями сбежала из детского дома. Сели на товарный поезд и уехали в Улн-Уде. В городе было много беспризорников, и мы скитались где попало. Ночевали на чердаках и в подвалах, в канализационных колодцах.

С 1953 года я начала подрабатывать: летом ходила по домам предлагала помощь по хозяйству: кому за огород прополоть, воды наносить, кому за скотиной приглядеть. А ночью спала в сарае вместе с курами и с коровами. За работу кормили, давали старую одежду. В 14 лет пошла к начальнику милиции, чтобы он мне помог получить хотя бы временный паспорт и устроиться на работу. Ему удалось мне помочь, и я стала работать в МТС (машинно – тракторная станция) разнорабочей. Таскала со взрослыми цементный раствор по этажам, уставала очень, но держалась. Иного выхода не было. Дали мне в общежитии койко-место. Так и доработала до 1955 года. При увольнении мне дали трудовую книжку и паспорт, и я уехала на Саянские горы в золоторазведочную экспедицию. Спустя два года двинулась дальше, на Сахалин, к брату, который после службы в армии остался там работать на шахте. Здесь я начала работать газомерщиком под землёй и поступила заочно учиться в торговый институт на планово-экономический факультет. Через неко-

торое время перешла работать в торговлю старшим продавцом, потом заведующей, с 1963 года работала директором магазинов ОРСа в Лесогорском районе. В 1990 году уехала в Южно-Сахалинск в главное управление «Сахрыбвод» начальником планового отдела. В эти годы жила в японском каркасно-засыпном доме, где за ночь кипятки превращался в лёд. В 1967 году написала отчаянное письмо в Москву Брежневу Л.И. с просьбой помочь с жильём. Ответ пришёл положительный, и я получила двухкомнатную благоустроенную квартиру. К тому времени у меня уже были сын и дочь.

В 1995 году, получив по состоянию здоровья 2 группу инвалидности, уехала на материк, в Ленинградскую область, в город Никольское, где и проживаю до сих пор. Дети живут своими семьями в Петербурге. Сейчас у меня семь внуков и два правнука.

Мы прожили в детстве своим тяжёлые и страшные моменты. Мы привыкли преодолевать трудности, но болит душа за то, что в период перестройки сделалось со страной. Особенно обидно за разрушенное сельское хозяйство, которое кормило великую державу – Советский Союз.

Горбушина Светлана Васильевна родилась 20 ноября 1936 года, когда началась война, мне было 4,5 года, Папу взяли в армию в июле, брату младшему было 2 месяца с небольшим. Родился он 9-го мая, никто не знал, что дата его рождения будет такой знаменательной. Остались мы с мамой впятером. Было очень тяжело жить, но все пережили, отец вернулся с войны, стало легче. В школу ходили все, мать старалась, чтобы учебу не бросали. Немцев у нас не было, но холод и голод был. Голодно было в 46-47 годах, всем было трудно. Учителя все были добрые, во всем помогали ученикам. Мать Анастасия Дмитриевна в войну работала в колхозе. Папа был электриком, и после войны продолжал работать по той же специальности. Мать получила орден за 5 детей, а у папы был орден „Красной звезды” и много медалей.

Немцев мы не видели. Но однажды сидели на уроке, и послышался вой и сильный взрыв. Немецкий самолет сбился с пути и рухнул в болото. Старшие классы побежали с физруком смотреть, жив ли лётчик,

а нас не отпустили. Школа во время войны не закрывалась, правда, тетрадей не было, брали книги расчета колхозного дохода и расхода и писали между строк. Одежду мама сама шила из своей одежды, перешивала, без обуви мы не жили, помню мне выделили сапоги в школе, давали только сильно нуждающимся.

После 10-го класса окончила ветеринарный техникум, работала в совхозе имени Тельмана Тосненского района, потом на керамическом заводе, оттуда ушла на пенсию. Много благодарностей на работе было, денежные премии, почетный ветеран труда, значок победителя соц. соревнования, значок ударника девятой пятилетки, медаль ветерана труда. Получили квартиру от завода, жить теперь можно, но здоровье подводит. Сколько пережито, даже иногда не верится, что мы можем преодолевать все трудности. Многому научила мать. Я ей очень благодарна за все.

Гаврилова (Васильева) Надежда Алексеевна.

Родилась 21.12.1941г Псковская область деревня Гора.

Образование 8 классов, русская.

Отец: Васильев Алексей Васильевич, работал в совхозе кузнецом. С первых дней войны ушел на фронт. Пропал без вести. так что отца я никогда не видела. Мать, Васильева Антонина Яковлевна, работала колхозницей.

В школу я пошла в 1949 году. Жили бедно, первый день в школу пошла босиком. Обуть было нечего.

Из военного времени трудно что-то вспомнить, мала была. Но помню, как немцы отступали. В избе стало светло, и только везде валялись рваные немецкие ботинки.

За деревней был немецкий аэродром. Когда немцы ушли, мы бегали смотреть разбитые самолеты. От них осталась груда железа.

Бычкова (Сукач) Лидия Павловна, украинка. Родилась 24 июня 1931 года в Ворошиловской области, образование 7 классов. Родители крестьянствовали, привили трудолюбие, умение не бояться любой работы.

До войны жили в с.Морозовка в глиняной хате с земляным полом. В семье нас с сестрой было двое. Совместно с нами проживали две тётки, бабушка и двоюродный брат. Жилось бедно. Питались тем, что лес пошлёт: «галушки» (подобие грибов), жёлуди. В селе собирали выброшенные очистки.

Наш дом стоял на окраине, заборов не было, и частенько к нам захаживали волки.

В школу пошла переростком, не в чем было ходить. Босиком зимой в мороз бежали до школы. Позднее мне сшили бурочки. Платье было одно. Школы как таковой не было - учились в чьей-то хате, в классе де-тишки сидели вшивые. Учебник был только у учительницы, домашнее задание писали на старых газетах. Вместо портфеля - платяной мешочек, чернила из бузины.

Помню, война началась для нас взрывом и огромным заревом. Все побежали в соседний большой глиняный дом, а бабушка спряталась в погреб. Со стороны станции Чертково началась стрельба, а потом артобстрел. Низко летали самолёты и строчили. Мы стали прятаться в яру, в овраге.

Сами немцы появились в начале 1942 году, злые, наглые. В их отрядах были солдаты из других стран, например, итальянцы. Отбирали продукты, отправляли в товарных вагонах в Германию молодёжь. Во время одного из наступлений наших солдат моя сестра Раиса ушла с ними добровольцем на фронт. К голоду прибавились болезни: чесотка, тиф. Тяжелейшим образом переболела им и я.

В 1944 году нас освободили. Помню, как удирали немцы, выпихивая из машин итальянцев. Мы продолжали жить и работать. Остались в колхозе старики и малые дети. Для восстановления страны нужны были рабочие руки. Вот почему, нас, подростков, насильно отправляли в ФЗУ (фабрично-заводское училище).

День победы встречали и радостью, и слезами. Без вести пропал ма-

мин брат, отец вернулся , но с нами жить не стал.

Из состояния голода мы не вышли и после войны. Нужно было в приказном порядке сдать государству 950 литров молока, 150 штук яиц, 40 килограммов мяса. Если этого не происходило, описывали и забирали последнее. Мне с мамой даже приходилось по деревням ходить побижаться. Чтоб в хате было тепло, ходили в лес , рубили лозняк или собирали коровьи лепёшки и ими топились. Освещались лучиной, а про уличное освещение никогда и не думали, с заходом солнца стояла темень. Несмотря на это , я продолжала учиться. Из колхоза никуда не отпускали, но я кое-как со слезами выпросила паспорт и уехала в 1950 году к тёте в Никольское. Сначала жила у неё, потом устроилась на работу в смоловарку и получила место в общежитии от завода «Сокол». Когда вышла замуж, перешла работать на керамический завод кладовщиком в трубный цех. Спустя некоторое время вернулась на военное предприятие и дорабатывала до пенсии на заводе им.Калинина. Находясь на пенсии, работала сестрой-хозяйкой в поликлинике.

По семейным обстоятельствам уехала в Латвию, но в 1985 году опять вернулась в Никольское, где продолжала работать до 2007 года. Скажу не без гордости: где бы я не трудилась, всегда была в почёте. И сейчас с удовольствием занимаюсь общественной работой. Это придаёт мне бодрость и интерес к жизни. Но некоторые современные условия жизни меня не радуют. В основном они связаны с социальным положением стариков. Мы не живём в голоде и холоде, слава Богу, нет войны, но, признаться честно, мы выживаем. Лечение, цены на продукты, ЖКХ - всё не способствует нормальной человеческой жизни.

Дементьева (Глухова) Валентина Николаевна, родилась 19 марта 1934 года д.Манихино Волховского района (ранее Пашского). Отец, Николай Яковлевич, работал в правлении колхоза, мать, Ирина Матвеевна, тоже колхозница. Оба были трудолюбивые и честные, а мать оптимистичная и доброжелательная.

До войны у моих родителей было 4 дочерей. В 1936 году утонула в местном карьере моя сестра и в этом же году репрессировали отца. Первые три

года он писал письма из Коми, в дальнейшем его судьба была нам не известна. Старшая сестра работала учительницей, и ей рекомендовали отказаться от отца. На основании документов в 1995 году наша семья была реабилитирована и признана жертвой политических репрессий.

Перед войной мы жили в маленьком домике, состоящем из комнаты и кухни. Имелся огород, какая-то живность. Жили бедно.

Немцев в нашей деревне Паша не было, но она находилась между двумя фронтами. Через нас проходила важная железная дорога, она связывала Ленинград с Мурманском. По ней провозили блокадников из Ленинграда. Постоянно немцы бомбили мост через реку Паша.

В 1941 году умирает старшая сестра, а в 1942 году по решению УНКВД по Ленинградской области нас, как семью осуждённого по политическим мотивам, вместе с другими подобными семьями, выдворяют из деревни без указания срока высылки. В товарном вагоне через Волхов, который постоянно бомбили, нас отправили в Сибирь. В пути находились несколько месяцев. На некоторых станциях останавливались, брали кипяток, иногда доставалась баланда. Прибыли в Омск, где нас поселили в бараке, где отсутствовали простейшие условия для жизни. Спали на полу, не мылись, страдали от вшивости, обессилели от голода. Затем нас отправили к Тюмени, в деревню Каменка. Здесь нас настиг тиф. И только благодаря врачу, который тоже был выслан сюда, нам с сестрой удалось выжить.

Первое время нам не давали продовольственных карточек, как врагам народа. Нас спасали местные жители, помогая продуктами. На тот момент у сестры был уже ребёнок. Она была, как мама, очень хорошим человеком, к ней тянулись люди, и ей удалось устроиться учётчиком в колхоз. Мне тогда было 8 лет, но в первый класс я не ходила. Сестра научила меня считать и писать, и я пошла во второй класс в школу.

В 1945 году мы вернулись в свою деревню Паша. Домик уцелел, но был пуст.

Учёбу продолжала в Пашской средней школе, куда за 6 километров ходили гурьбой, обязательно со старшими ребятами, так как было много волков, и мы боялись их.

Я училась хорошо, без троек. В 1949 году отменили продовольственные карточки, жить стало легче, но всё равно голодали. Отопление везде было печное, дрова заготавливались в лесу.

В том же году я поступила в Пашское педагогическое училище в Лодейном поле, которое закончила с красным дипломом.

Наши школьные года я вспоминаю с особой благодарностью. До сих пор почитаю учительницу русского языка Клавдию Ивановну, немецкого языка – Елизавету Петровну.

С удовольствием вспоминаю прекрасную, продуманную систему обучения и воспитания. Всё было строго и качественно.

В 1953 году без сдачи экзаменов, только по аттестату, я поступаю в институт имени Герцена в Ленинграде. Жили в общежитии коммунальной, получала повышенную стипендию, во время каникул подрабатывала на разных работах: в детском саду, на телеграфе, на кирпичном заводе (возила тачки с кирпичом). На четвёртом курсе вышла замуж. Муж, тоже педагог, был направлен в Никольское Тосненского района. По окончании института поехала к нему в школу, где он преподавал математику, а я географию. Учителем отработала 40 лет, отмечена как отличник народного образования. В течение всей преподавательской деятельности вела активную краеведческую работу. С учениками уходили в многодневные походы на Карельский перешеек, посещали Ригу, Псков, Великий Новгород, белорусский край - Хатынь. Каждый год участвовали в работе районных и областных туристических слётов.

В 1957 году родился сын, в 1963-дочь. Вначале жили в деревянном доме для учителей (рядом со зданием старой начальной школы), затем в коммунальной квартире.

В настоящее время проживаю одна, муж умер в 2005 году.

В современной жизни меня беспокоят трудности, с которыми сталкивается молодёжь: сокращение бесплатного образования, трудоустройство, отсутствие доступного жилья и качественной медицины. Эти и другие проблемы толкают молодёжь на жестокость и различные проявления негативного поведения.

Захарова Мария Григорьевна. Родилась 1.11.1937 г. в с. Якимово, Милятинского района Львовской области.

Отец участник Великой Отечественной Войны.

Мария Григорьевна переехала в Ленинградскую область в г. Отрадное в 1960 г., а в Никольское приехала в 1972 году.

В основном работала на керамическом заводе. За высокие трудовые достижения и за участие во всероссийском социалистическом соревновании награждена многочисленными грамотами.

Из Воспоминаний Марии Григорьевны: «Во время войны бабушка, мама и мы с сестрой спасали раненых бойцов. Обычно мы их прятали у себя, пока они придут в нормальное состояние: перевязывали раны, поили травяными отварами, кормили. Многим молодым ребятам спасли жизнь. Но однажды неожиданно в нашем доме поселились немцы. А до этого староста нас предупредил, что всех раненых бы надо отвезти в другое место, чтобы от беды подальше. Но кто знал, что немцы останутся именно в нашем доме?

Сосед же всё время следил на нами, пока немцы были у нас. А после их ухода доложил куда надо о том, что, якобы, отец наш всё время мирно беседовал с немцами на немецком языке. И за это дедушку, бабушку и нас с сестрой сослали в Сибирь. Дедушка и бабушка там и похоронены.

А ведь наш отец, в то время, когда немцы пребывали несколько дней в нашем доме, был в Италии. А сколько было пережито нами там, в Сибири... Вспоминать не хочу.

Дмитриева (Вересова) Юлия Тимофеевна, 1935 год рождения, г. Боровичи Новгородской области.

Семья приёмная, самые лучшие годы мои прошли в этой семье, родители были добрые, трудолюбивые, честные. Отец воевал до 1944 года, пришёл с фронта без ноги, весь израненный, с двумя орденами Славы.

В первые дни войны помню, как провожали отца на фронт: слёзы, слёзы, уходящих, провожа-

ющих. Папа взял на войну фотокарточку, где мы с мамой. На оборотной стороне написал: «В случае моей смерти прошу сообщить жене по адресу...». Слава Богу, адрес не пригодился.

Начались военные будни: без света, (окна заклеены крест-накрест, светомаскировка, электричество отключено), постоянная забота о дровах. Спали в одежде, утром не умывались, так как вода замерзала в комнате. Переживали бомбёжки, артобстрелы со стороны немцев. Самих немцев увидели только в качестве военнопленных, они работали на реке, сплавляли лес. Приходили в город без охраны, покупали у жителей махорку и табак.

В школу пошла в 1943 году. Здание было замечательное, построенное ещё до революции 1917 года. Светлые классы, широкие коридоры, паркетный пол, большой зал для вечеров на третьем этаже. В школе учились только девочки. Учителя достойны благодарности, помню их до сих пор. Учебники покупали друг у друга, одевались бедно, иногда получали одежду из американской помощи.

Помню, шла домой из школы и увидела на площади много народа. Все бросали вверх шапки, кричали что-то, плясали. И тут в громкоговоритель объявили о капитуляции немцев.

Началась послевоенная жизнь, не многим легче военной. За хлебом по карточкам стояли в трёхчасовых очередях, топливо добывали кто как мог. Но были у нас, детей, прекрасные школьные годы. Обучение проводилось очень хорошо, кормили бесплатными завтраками, устраивались праздники, концерты самодеятельности, работали бесплатные кружки: театральный, спортивный, вышивальный, балетный, драматический, хоровой. Учителя дополнительно занимались с отстающими. С благодарностью вспоминаю Лукину Надежду Степановну, классного руководителя, Маркову Валентину Петровну, учительницу физкультуры, Рождественскую, преподавателя зоологии и ботаники.

После окончания десятилетки поступила в горно-керамический техникум, после завершения которого работала на металлургическом комбинате в Нижнем Тагиле, на комбинате огнеупоров в Боровичах.

В Никольском проживаю около 30 лет. Работала мастером ОТК на заводе им. Калинина, бухгалтером в аптеке, секретарём в школах, занималась общественной работой в обществе инвалидов.

С сожалением смотрю на современную жизнь. Внимательное от-

ношение к нам, людям трудного, но славного прошлого, отсутствует или присутствует только на словах перед великими датами. Больно смотреть на то, что общество предлагает молодёжи: иждивенческий, раскрепощённый до разврата образ жизни, стремление любым способом, только не честным трудом, добиваться материального благополучия. Культура стала называться «шоу-бизнесом» и соответствует этому имени.

Мы росли в бедности, под взрывы снарядов и свист пуль, но был в нас нравственный стержень, взращённый советской страной, который помог отечеству выстоять в суровые годы испытаний.

Варлашина Валентина Ивановна, родилась 25.03 1938 года в селе Никольское. Трудовая деятельность началась с 1956 года в качестве телефонистки. После поступила в техникум легкой промышленности. Работала на узле связи в Ленинграде. Ударник коммунистического труда, ветеран труда. Стаж работы 33года.

Евишкина Елизавета Андреевна, 1933 года рождения, уроженка деревни Возмозеро Белоозёрского района Вологодской области.

В семье было пятеро детей, я самая младшая, поздняя, мама родила меня в 55 лет.

За год до войны пошла в школу. Самого здания школы не было. Сельсовет арендовал, как бы сейчас сказали, у зажиточных хозяев два дома, и туда ходили учиться маленькие школьники. Обучали нас две приходящие учительницы. Учебник полагался один на четверых, писали в каких – то толстых журналах между печатных строк, а чернила делали, кажется, из бузины.

Немцы до нас не дошли, но частенько налетали их самолёты. Недалеко от деревни находилась Белоозёрская плотина, они пытались её подорвать. В один из таких дней мы с учительницей укладывали во дворе дрова на зиму. Вдруг появились самолёты, все бросились в дом. Брошенное впопыхах полено отскочило мне в голову. Потеряла сознание... Шрам над бровью на всю жизнь остался.

«Под немцем» мы не были, но жилось нам и без них тяжело. Все

здоровые мужчины и такие девушки, как мои старшие сёстры, ушли на фронт. Колхозная работа осталась женщинам и нам, детишкам. Подростки под руководством какой-нибудь старушки пасли скот. А эта работа была опасная. Бои под Брянском выгнали из брянских лесов волков. Они голодными стаями пришли к нам, в вологодские. Так, по крайней мере, взрослые объясняли нашествие злых, просто лютых зверей. Скот они резали беспощадно, да и людям доставалось.

Для девочек и ребят помладше основной работой были прополка и заготовка сена. С раннего утра и до позднего вечера под началом тоже какой-нибудь пожилой женщины гребли, сушили, складывали в копна траву. Сбегаешь на речку, пока трава сохнет, и опять, как муравьи, по полю ползаем.

Осенью убирали урожай, свой и колхозный. В огородах на скудной глине всё росло плохо. Но большая часть личных запасов сдавалась государству. Вологодчина обеспечивала продуктами Ленинград. Давалась норма на каждый продукт. Если не хватало до нормы, нужно было докупить, но норму выполнить. У нас заболела корова, молока не стало, денег и в глаза не видели, а сдать 300 литров в год надо. Маме приходилось обменивать остатки «огородины» на молоко. Сами питались тем, во что сейчас поверить невозможно. Хлеб пёкся из горсти самомолотой муки с добавками клевера, головок льна и травы.

Взрослые пытались хоть немного нам детства подарить. Помню новогодние праздники. Так во 2-ом классе устроили конкурс рассказывания новогодних стихов. Кого зрители, а среди них были все взрослые деревни, похвалят, тому вручался приз – синее сатиновое платье или рубашка. Я до сих пор помню стихотворение, за которое получила такой подарок. Этот стишок сыну передала, а потом внучке. Всегда с ёлок они с призами приходили.

В нашей комнате лесной
Пахнет елкой и смолой.
Лес раскинулся косматый,
Кое - где покрытый ватой.
А под красною звездой
Льется дождик золотой...

В 1943 году из-под Ленинграда привезли контуженого отца. Мама долгие годы его выхаживала, немного на ноги, в прямом смысле, поставила. Лечила сенными запарками: набьёт матрац сеном, в бане запарит и папу им укутает.

В 1945 году вернулись с фронта старшие сестры и брат. Я закончила 7 классов и уехала в Мурманск к родственникам нянчить ребёночка. Здесь, признаюсь без стыда, отъелась, научилась готовить «городскую» еду, обходиться самыми простыми предметами городского быта: зубной щёткой, вилкой.

Через год позвала старшая сестра в няньки под Ленинград, где она работала на торфоразработках в посёлке Гладкое. Отсюда я уже сама устроилась на путевую машинную станцию по укладке и ремонту железной дороги. Здесь семью создала, родила сына.

В 1975 году по рекомендации врачей уехали в сельскую местность в посёлок Никольское. До пенсии работала на керамическом заводе.

Егоренкова Александра Ивановна, 1929 года рождения, село Бордово Карельской АССР.

Мой отец, Артамонов Иван Фёдорович, 1891 года рождения, служил в 1914 году в Царском Селе (ныне г. Пушкин) в гусарской кавалерии. В одном сражении с немцами был ранен, после боя царь Николай Второй, обходя строй солдат, наградил Ивана Фёдоровича именными карманными часами на золотой цепочке за отвагу и смелость во время боя.

До войны жили в Мурманской области, но когда немцы стали день и ночь бомбить Мурманск, нас отправили в Новосибирск, откуда мы снова после окончания войны вернулись в свой город. Он был в руинах. Не сумев захватить город с ходу, враг начал усиленные бомбардировки города. Бомбили причалы, железную дорогу, нефтебазу, не щадили школ, госпиталей, больниц. За годы войны вражеская авиация совершила 792 налета на город, сбросила более 185 тысяч зажигательных и фугасных бомб. Газета «Известия» тогда писала, что Мурманск по числу бомб, сброшенных немцами на каждый квадратный километр площади, уступает среди других под-

вергшихся бомбежке городов СССР только Сталинграду. В среднем на каждого жителя Мурманска пришлось по тридцати одному килограмму взрывчатки и по семь зажигательных бомб.

18 июня 1942 года Мурманск был подвергнут самым сильным бомбардировкам, уничтожено две трети города, а вообще за время войны уничтожено 1100 жилых домов. Однако Мурманск, находясь фактически в блокаде, жил, работал и помогал фронту. Город, особенно в первый военный год, остро ощущал недостаток продуктов питания. Нужно было изыскивать местные продовольственные ресурсы. Весной 1942 года началась кампания огородничества. Прямо на улицах, под окнами домов, везде, где были клочки пригодной земли, мурманчане сажали картофель и лук. Рыбаки ловили рыбу, судоремонтники ремонтировали корабли, грузчики обрабатывали транспорты, железнодорожники отправляли составы. После освобождения город жил в том же ритме. Но страшный голод вынудил нас переехать к дяде в Ленинград.

Судьба забросила в Никольское, где 33 года проработала в торговых организациях, за что и было присвоено звание «Ветеран труда».

Детство под градом военной картечи...
Сколько свалилось на детские плечи!
Память сквозь годы следом за вами
Ночи взрывает тревожными снами.
В поле грузили картошку мешками,
Все для Победы! – голодные сами.
Раненых с фронта везли эшелоны,
Дети в тылу разгружали вагоны.
В госпиталях, фронтовых медсанбатах
Юные девочки в белых халатах.
Темная ночь да круги под глазами.
Сколько без сна, уж не помнят и сами.
Им не забыть о потерянных годах,
А у станка, на военных заводах,
Часто совсем о себе забывали,
Будто и сами были из стали.

Екимова Валентина Васильевна, родилась 30 января 1928 года в Саблино. Наша семья состояла их 9 человек: родители, пять дочерей, сын, бабушка. Жили в собственном доме, держали подсобное хозяйство, были сыты, одеты. Отец работал, мать вела домашнее хозяйство. Нас, детей, родители очень любили.

Перед войной я закончила 5 классов. Школа в Саблино была деревянная, светлая. Учебники и тетради приобретали сами. Ученики – девочки носили школьную форму: сатиновый синий халатик с белым воротником. Хорошо помню начало войны: по репродуктору объявили: «Началась война». Наш отец был коммунистом, он сразу же ушёл в лес к партизанам. Отчётливо помню, как открывается дверь, и входят пятеро немцев с большой овчаркой. Староста спросил белый материал (для маскировки). Что было в доме – отдали. Он тут же сообщил, что хозяин – коммунист. Нас выгнали из дома, и туда заселились немцы. Напротив нашего дома жила немецкая семья, наша бабушка у них прислуживала. Однажды хозяйка ей сказала, чтобы мы поспешили уехать из деревни, так как семья намечена на расстрел из-за отца-партизана. В тот год стояли сильные морозы. С собой мы ничего не взяли, в чём были одеты, в том и поехали. Нас везли на подводах от деревни к деревне, и где-то недели через две мы прибыли в Эстонию. Здесь нас разобрали по местным жителям на работу. Мы попали на хутор. У хозяина имелось большое подворье. Меня определили пасти коров, мать со старшей сестрой помогали в доме. Человек попался очень хороший, жили дружно на протяжении всего времени. Старшая сестра познакомилась с хозяйским сыном, позднее вышла за него замуж и по сей день проживает в Таллине. Нас освободила советская армия. С Саблино родственники писали, что жить после войны тоже тяжело, введены карточки. И мы остались до 1948 года. От отца не было никаких вестей. Уже позднее его друг рассказал, что отец в одном из боёв партизан с немцами был тяжело ранен, и чтобы не быть обузой уходящим товарищам, попросил оставить его в лесу. С той поры след его потерялся. В Эстонии нам предлагали остаться, обещали дом, но мама сказала: «Только домой, на родину». Дом наш сгорел, и мы остановились в Никольском, где нам дали комнату в деревянном обще-

житии. Спали на полу, общая плита отапливалась углём. Стали устраиваться на работу на завод «Сокол» на вредное производство мама и три сестры. После трёх лет работы на заводе мы получили однокомнатную квартиру. На заводе отработала 35 лет. Сейчас живу одна, хватает всего, кроме здоровья.

Жукова Валентина Ивановна, 21 марта 1941 года, уроженка Калининской области Отец погиб на фронте в 1943 году, мать умерла, когда Вале не было ещё 14 лет. По этой причине рано начала свою трудовую деятельность. Закончив ФЗУ, стала работать на заводе им.Козицкого радиомонтажницей, затем перешла на завод «Арсенал». Здесь стала ударницей коммунистического труда, получила звание «Ветеран труда». Стаж работы - 40 лет.

Муסיнова Нина Федоровна родилась 08.01.1940 года в Подпорожье Ленинградской области.

Родители из бедноты, малограмотные.

Закончив торговое училище, в 1958г. начала работать в торговой организации.

В Никольское приехала в 1969 году и стала работать на керамическом заводе «Нефрит» отсюда и ушла на пенсию. За ударный труд трижды была ее фотография на доске почёта завода.

Стаж работы 52 года.

Журавлёва Людмила Прохоровна (девичья - Полякова). Русская, год рождения - 1933 г. 14 марта. Родилась в г. Гатчина окончила 5 классов. Отец - Поляков Прохор Сергеевич, 1907 г. рождения, летчик. Мать Полякова - Мария Ивановна, 1911 г., домохозяйка, воспитывала детей, нас было трое. Матери было трудно, работала позже на Риторском заводе Помню её как добрую, честную, благородную женщину. В начале войны жили в Гатчине, жили в лётном городке, в отдельной квартире. Дома были деревянные. Питание и одежда были всегда, до войны жили хорошо. В

тот период я не училась, должна была идти в школу, но тут началась война. За три дня до прихода немцев в Гатчину, нас всех собрали (семьи летного состава) погрузили в товарняки и повезли на Бологое. Нас сопровождали два самолёта, так как уже началась бомбёжка. Дальше сортировали кого куда, мы поехали к дедушке и бабушке в Ярославскую область, в деревню. Когда стали немцы подходить к тем местам, мы уехали на родину отца, в Воронежскую область, в деревню Бугаёвка. Но и сюда через некоторое время пришли немцы. Колхозники были зажиточные, а как пришли немцы, всё разорили, разграбили. Сразу же после прихода немцев по наводке расстреляли председателя сельсовета, и его подручных. Выгнали всех на улицу и их расстреляли, запугивали таким образом население. Заставляли ухаживать за ними (стирать, убирать). Для отправки в Германию были составлены списки. Маму спрятали старушка, и её не отправляли в Германию. Жили мы в землянке, была вырыта яма в сених, и там мать прятала троих красноармейцев. Их поддерживали продуктами оставшиеся связные. Мама сохранила их до прихода наших. Когда их забирали, генерал, помню, добрый был, спасибо сказал за красноармейцев спасённых. Наши наступили раним утром, и немцы кто в чем выбегали из домов, кто не влезал в машины, их пристреливали сами немцы. В 1944 году уехали в Ярославскую область к деду и бабушке. Туда приехали с Ижорского завода набирать рабочих для работы на заводе. Мы поехали. В Колпино жилья не было, всех расселили в частных домах в Саблино. На работу ездили в рабочих вагонах, но всем места не хватало, матери иногда приходилось ходить пешком из Саблина до Колпино, очень тяжелое время было: холод, голод. На карточки давали очень мизерные граммы, как выживали? Ни праздников, ни веселья. Весной картошку сажали, а когда отменили карточки, уже легче стало жить, освещение было керосиновое, банки с фитилём, а потом приобрели лампы. Дрова сами заготавливали, ни топоров, ни пил не было, валежник таскали на себе. В школе было очень хорошо, помню учительницу начальных классов Елену Ивановну. У неё была корова, так она на большой перемене приносила молока и всех оделяла стаканом молока. Мы её очень любили. Соседки работали в столовой на Ижорском заводе, приносили отходы, мы собирались у них и ели. С 14 лет я пошла работать на ватную фабрику (медицинскую вату делали). В 5 часов вставали и ехали на рабо-

ту. Это было в 1949 году.

На фабрике работала до 50-го года, вышла замуж и родила сына, в 1954 году дочь. Работала простой рабочей. Была передовиком производства, портрет висел на доске почёта. Награждена только медалью «Ветеран труда». Потом по состоянию здоровья за 5 лет до пенсии стала работать по месту жительства на керамическом заводе. Общественной работой я не занималась, так как на руках была дочь - инвалид с детства. Жизнь сейчас хорошая, по сравнению с тем, что мы пережили. Но люди стали более чёрствые душой, мало откликаются на беду.

Земляков Павел Алексеевич, родился в деревне Павское, Сандовского района, Калининской области в 1931 году.

Мои родители: отец, Земляков Алексей был достаточно образованным. До 1938 года работал в лесном хозяйстве, одновременно был ветеринаром. В 1939 году по вербовке убыл в Карело-финскую республику, село Чиккири Пряженского района Петрозаводской области. Сначала работал заготовителем леса, потом перевели на работу в сельский магазин.

Моя мать работала на строительстве бараков. Работать пришлось немного, т.к. надо было растить и воспитывать детей. Мать родила 9 человек, четверо умерли во младенчестве, перед войной осталось пятеро: старшей сестре Антонине было 16 лет, брату Веньке – 13 лет, мне шел 10-й год, а мной родился в 1937 году Миша и в 1940 году последняя сестра Нина.

В настоящее время их никого нет в живых. Кто погиб, кто-то умер. Сейчас я остался один. Мне уже за 80.

Война в наше селение ворвалась на моих глазах. В августе 1941 года я с братом отправился порыбачить удочками на озеро. Только настроились на ловлю, как из-за леса показались немецкие самолеты с крестами. Испугавшись, мы побежали в лес. На поляне в лесу спускался на парашютах немецкий десант. После приземления они бежали в нашу сторону с автоматами в руках. Мы опередили немцев и успели предупредить наших о высадке немецкого десанта. Прибыл броневик с отрядом красноармейцев и занял оборону. Во время боя с немецким

десантом, один немец был взят в плен. Немца допрашивали у магазина, в котором работал последний день мой отец. Потом он ушел на фронт, а мы ушли из села. Пробирались около месяца через болота на территорию, не занятую немцами. Труднее всего было моей матери, у которой нас было четверо, один грудной ребенок.

Затем нас грузили на баржи и отправляли через Сям-озеро в направлении Петрозаводска. Баржи бомбила немецкая авиация. Некоторые были потоплены вместе с народом. Потом нас подвезли до Петрозаводска на грузовиках. В Петрозаводске мы увидели много поступающих тяжело раненных. Так разными видами транспорта мы добрались до Сандовского района Калининской области. Там жила моя родная бабушка. Вскоре она умерла. Мы остались жить в ее доме. Время было тяжелое. Надо было помогать матери и в то же время учиться. Работал помощником по изготовлению бочек под масла и творога для фронта. Работая, я закончил 5 классов. Хотя я был несовершеннолетним, но получал продуктовую карточку, что являлось подспорьем в семье. Наступила долгожданная Победа! Дети и взрослые ликовали. Кто-то плакал, не скрывая слез, ведь не все дожили до этого дня. С окончанием войны стали возвращаться защитники Родины. Вернулся и мой, истерзанной войной отец, весь в шрамах, больной. Сколько-то отдохнув, пошел работать приемщиком древесины. 16-летним я тоже стал работать в леспромхозе. Когда исполнилось 17 лет, меня направили на учебу электрика -моториста. В 1951 году был призван на службу в Армию. Служба проходила в Московском военном округе. Согласно моей гражданской профессии меня определили на станцию питания радиолокатора. Прослужил я 3 года. После демобилизации пришлось менять работу и место жительства. Переехал в Никольское, где женился. Вырастили двоих детей, есть внуки. Жена умерла 5 лет назад, с которой я прожил 53 года. Она работала на заводе «Сокол», а я сначала на «Ленстройкерамике». Когда у нас были маленькие дети, я тоже перешел на завод «Сокол», чтобы можно было работать в разные смены. Впоследствии меня отправили на учебу осваивать новое производство цеха № 3. Когда выработал стаж по вредности производства, меня ввели в штат художником – оформителем. Я украшал плакатами цеха, с моими транспарантами ходили на демонстрации наши рабочие.

За свою трудовую деятельность имею большое количество Почет-

ных грамот, начиная от поселкового совета, кончая министерством и Президиумом ЦК профсоюзов. Я был окрылен своей творческой работой так, что хотелось днем и ночью украшать свой завод, поселок, город.

Но с перестройкой начало было положено разрухе, крушению всего социалистического, в т.ч. и социалистические принципы жизни. Не мог я выдержать варварского безумия. Перевелся работать на подсобное хозяйство при «Соколе». Ветеринарный врач взял меня ассистентом. Он меня научил не только лечить животных, но и самостоятельно проводить легкие операции. Впоследствии, как и всюду на других предприятиях, это подсобное хозяйство было порушено. Мне предложили работу в больнице столяром-плотником. Проработав 6 лет, решил уйти на заслуженный пенсионный отдых. Но меня попросили в ЖКХ поработать машинистом насосных установок. Проработав два сезона, я закончил свой трудовой путь в спортзале «Надежда» в 2007 году.

Современная жизнь, как и большинство пенсионеров, меня не радует. Не могу смириться с тем, что богатую, мощную державу превратили в хаос. Чиновники и проходимцы, не зная цены деньгам, купаются в достатке. А бедный работяга – рабочий, крестьянин – откупиться не может свеести концы с концами. Пенсионер, имея нищенскую пенсию, не имеет возможности получать квалифицированную медицинскую помощь. Что ему дала современная буржуазия? Свободу умирать!

Зорина Лидия Ивановна, (Могилевская). 1939 г. Родилась на Украине.

Папа - Могилевский Иван Трофимович 1916г., железнодорожник, начал со стрелочника, потом стал инженером. Мама- Могилевская Евдокия Прокофьевна, 1918 г., учитель младших классов. Дали мне любовь, образования, понятия жизни. Семья состояла из 4-х человек.

Когда пошел немец, мы жили в Краматорске. Это большой город тяжелого машиностроения. И этот город переходил из рук в руки, поэтому большую часть времени женщины и дети прятались в погребах. И бывали случаи, что немцы приоткрывали люки и бросали в люк гранаты. Мы очень боялись звука открывающегося

люка. Но однажды он открылся, и послышалась русская речь. Это были русские войны. Они сказали, что город освобожден. И было много радости.

В 1952 г. мы переехали в Котлас. Папа хорошо зарабатывал, и мы имели жилье в бараке. После 10 класса пошла работать на деревообрабатывающий комбинат лаборантом химводоочистки в котельную. В Никольское приехали в 1965 г., т. к. вышла замуж за Зорина Виктора Александровича. Сначала в геологоразведке работала лаборантом, а потом перешла на завод «Сокол». На пенсию вышла в 1985г.

Иванова Вера Дмитриевна, 1932г.

Девичья фамилия Нелидова. Родилась в Великолужской области в Торопецком районе д. Гришино.

Образование 4 класса. Отец Дмитрий Федотович Нелидов, мать Нелидова Мария Трофимовна. Работали в колхозе. Нас у родителей было 8 детей, 6 дочерей и два сына.

В начале войны училась в 1-ом классе. Учитель Николай Иванович Шалобейкин. В школу ходили в том, что сошьет мама, на ногах носили лапти, нам плёл их отец.

Когда началась война, помню, рано утром носили повестки. Мы проснулись. Вокруг люди плакали. Мобилизованных отправляли в Торопец на лошадях.

Во время войны мы жили в лесу, в окопах. С нами были партизаны. Однажды в лес зашёл карательный отряд немцев, которые уже сожгли один кордон партизан. Нашим сообщили заранее, и они ушли.

Принудительной работы не было, работали в колхозе все. Питались мы плохо. Ели то, что выращивали на огороде, отапливались дровами, освещались гильзой, в которую вставлялся фитиль.

Вышла замуж в 1955 г. В 1968 приехали в п. Никольское Тосненского района. Мы с мужем Ивановым Владимиром Михайловичем работали на Керамическом заводе.

Имею награду «Ветеран труда».

Маркова (Знаткова) Мария Борисовна, 14 сентября 1933 года рождения.

Место рождения: деревня Вороново Мгинского района Ленинградской области.

Отец, Знатков Борис Иванович, 1912 года рождения, мать, Агриппина Андреевна, 1910 года рождения, оба крестьяне.

Родители были добрые, честные, занимались нашим воспитанием по мере возможности. Жили в своём доме, имели скотину. Нас, детей, было четверо.

Война для меня началась пожаром. Немцы, войдя в деревню, зажгли конюшню, от неё запылала вся деревня. Двести дворов сгорели дотла. Мы перебрались в соседнюю деревню. Начались бомбёжки и обстрелы. Девушек и парней угоняли в Германию на работу. Забирали даже матерей с маленькими детьми. Дома обыскивали, пытались обнаружить партизан. У нас никого не нашли, так немец с досады выстрелил в потолок. Остался в памяти случай. В соседний дом попала бомба, а у нас от удара обрушился потолок. Придавило племянника и сестру. Мальчик остался калекой, сестра, слава богу, выправилась. Потом жили в землянке, в бане.

Деревня после войны не восстановилась, люди разъехались, кто куда. Уже в мирное время, при карточной системе, нас всё равно сопровождал голод. Преследовало одно желание - побольше наесться хлеба.

В школу пошла переростком, так как во время оккупации школа не работала. Класс освещался керосиновой лампой, а иногда и лучиной, отапливался печным отоплением, дрова сами заготавливали. Учились в две смены. Хорошо помню учителя литературы и русского языка Скокова Петра Григорьевича. Добрый, честный, требовательный. Учительница математики Марфа Петровна была строгая, но справедливая. Большинство детей училось добросовестно, приходилось навёрстывать время, упущенное за годы войны.

В Никольском работала с 1963 по 1988 год на керамическом заводе сортировщицей плитки.

Впервые порог школы я, **Игнатович Мария Ивановна**, переступила, когда пошла в первый класс. Это было в далёком 1949 году в деревне Искра Называевского района Омской области. Сибирь – моя малая родина.

Общий рабочий стаж огромен – 48 лет. Но если учесть, что с первого по седьмой классы я в летнее время работала наравне со взрослыми, то стаж, пожалуй, будет побольше.

Заочно я закончила Омское педагогическое училище. В это же время работала в Искровской школе учителем музыки и старшей пионервожатой.

В своей трилогии Пётр Дедов пишет: «...Наверное, у каждого есть костёр детства. У одних – рабочий или охотничий, овеванный радостью первого общения с природой, у других – пионерский, с песнями, стихами, танцами; но для нас-то, детей войны, костёр был не игрой, не забавой, а источником живительного тепла и утолением бесконечного голода и холода.» эта цитата до слёз созвучна для каждого из нас. Мне никогда не забыть далёкие шестидесятые годы, тот огромный пионерский костёр, который разгорался каждый год 19 мая. Это был день рождения Всесоюзной пионерской организации. Это был большой и радостный праздник детей. И вот Искровская дружина с развёрнутым знаменем, с барабанным боем, с песней «Взвейтесь кострами» в чётком строю шагает на лесную поляну. Поздние сумерки. Тёмно-синее небо. Нетерпеливые детские глаза... Вспыхивает пламя огромного костра. Искры до самого неба! И песни под баян, и стихи, и танцы, и смех, и... детская радость!

И вот волею судьбы я оказалась в Никольской средней школе Тосненского района Ленинградской области. Из этой школы в 2005 году я ушла на заслуженный отдых. Так вся моя жизнь прошла в школе и с песней.

В 2009 году я познакомилась, благодаря газете «ЗОЖ», с душевным человеком и прекрасной поэтессой Зоей Михайловной Крыловой. В одном из писем она говорит:

Для Вас, Мария Ивановна,
Школа - символ любви.

Любви беспокойной, прекрасной.

И лучшие годы свои Вы

Отдали ей не напрасно.

Таким, как Вы,- всё по плечу.

Они и в беде не сгибаются.

Пусть Ваша прекрасная жизнь

Во имя любви продолжается.

Сочинением мелодий я стала заниматься как-то произвольно и очень давно. В Исковской школе дети заходили в спортзал, где стояла огромная новогодняя ёлка, под вальс, который сочинила я. Да и многие новогодние песни были мною сочинены. Дети пели любимую песню «Лесной вальс» и танцевали задорно «Полечку» моего сочинения. Учителя пели на своих вечерах «А может, не надо ждать у ограды?» и «Соловьиною ночью». Потом все эти песни и танцы исполнялись детьми Никольской школы. И никто никогда не догадывался, что музыку для них написала М.И.Игнатович.

Но когда со сцены Никольского Дома культуры на фестивале детского творчества прозвучала песня «Никольское – город родной» в исполнении хора учащихся школы №3, то всё моё тайное стало явным. Песня зрителями была принята бурными аплодисментами и отмечена Благодарственным письмом администрации города за подписью В.А.Казакова, занимавшего в то время пост главы администрации г.Никольское.

А вскоре мною была получена открытка к великому празднику – Дню Победы, в которой говорилось:

Дорогая Мария Ивановна!

С Днём Победы Вас!

С праздничным днём!

Пусть сопутствуют Вам постоянно

Счастье, радость, удача во всём.

И здоровье пусть Вас не подводит,

И энергия бьёт через край!

Ведь нужны Ваши песни в народе!

Хоть любую из них выбирай.

Песни эти, что Вы сочинили,

Наполняют сердца чистотой,

Вы частицу души в них вложили,

И талант самобытнейший свой!

И когда под баян запевают

Ребятишки про город родной,

Сердце каждого вдруг замирает

От мелодии дивной такой.

Так примите от нас в День Победы

Низкий, низкий поклон, до земли,

Что, пройдя сквозь военные годы,

Вы талант свой для всех сберегли!

С любовью и уважением, Людмила Владимировна и Ирина Александровна Морозовы.

Во имя уважения к людям с декабря 2012 года я возглавила общественную организацию «Дети войны – малолетние труженики тыла» г. Никольское. Кроме основной работы занимаюсь деятельностью хора ветеранов труда, который снискал уважение и симпатию у многих слушателей как города, так и района. Вот что писала в своей статье в газете «Вести» 16 октября 2013 года Алла Николаевна Барыкина: «Бурными аплодисментами встретили слушатели хор ветеранов труда. Радостью светились глаза горожан, когда исполнялись песни «Никольское – город родной» и «Гимн ветеранов». Душевное исполнение песен «Соловьиная ночь», «Деревенька моя», «О, годы, куда вы летите?» вызвало воспоминание у пожилых людей о прошедшей трудной молодости. И как обращение ко всем живущим на Земле была песня «Люди, дайте руки друг другу». Первый дебют хора бесспорно был успешным. Своими песнями коллектив хора «Дети войны» несёт радость и теплоту людям.»

Здесь уместно вспомнить строки стихов Расула Гамзатова:

Радость я подарю друзьям,
Песне боль я свою отдам,
Людам буду любовь дарить,
Злость оставлю – себя корить.

Хор во время выступления

Комитет организации «Дети войны – малолетние труженики тыла».

Исхакова Светлана Ивановна, родилась 6 апреля 1938 года в Таганроге.

Родители: отец-участник Великой Отечественной войны. Погиб 14 июля 1943 года на Курской битве, похоронен в деревне Кривцево, Волховского района Орловской области. Мать умерла в 1971 году. Начало Великой Отечественной войны смутно помню. Из рассказа мамы представляю, как мы, дети, играли на поляне, напротив своих домов. Вдруг, все, как стая воробьев, вспорхнули и побежали по деревянному мосту через речку. За мостом мы снова играли, резвились. Вдруг послышался страшный гул и взрывы Бомбили город немецкие самолеты. Дети, испуганные взрывами, побежали обратно через мост, а я почему-то осталась одна стоять на месте. Через какое-то время и я побежала через мост, но там уже стоял немец с автоматом. Немец взял меня и повел в комендатуру. Чтобы я не плакала, посадил меня на детский трехколесный велосипед. Я каталась на нем вдоль ограды. Мама стала меня искать. Кто-то ей подсказал, что видели, как немец уводил девочку в комендатуру. Маме было очень страшно идти в звериное логово, но идти было надо. Пришла в комендатуру. Немец, в звании офицера, стал её расспрашивать: сколько лет девочке, как выглядит, в чем одета. Мама подробно рассказала. После чего немец приказал привести девочку, т.е. меня, и отдать маме.

Комендатура расположилась в доме, где жила женщина со своим сынишкой, который погиб в тот день во время бомбежки. Она-то и решила, что возьмет девочку себе, если меня никто искать не будет. Но тому не суждено было случиться. К счастью, мама быстро меня отыскала, что называется, по свежим следам.

В последующем я окончила политехнический институт. Получив образование инженера-строителя, работала на стройке прорабом. Работая, продвигалась на руководящие должности. Мой рабочий стаж 37 лет. Имею название «Ветеран труда».

За свою жизнь пережила две войны. В детстве – Великую Отечественную, в 1991 году, после горбачевской перестройки – армяно-азербайджанскую резню. И вот все свое трудом нажитое пришлось оставить и бежать оттуда, куда глаза глядят, т.к. там оставаться было крайне опасно. Так я оказалась в городе Никольское.

Князева Римма Ивановна, 1930 года рождения.

Русская, родилась в Ленинградской области в Киришском районе п.Будогощь. Образование 7 классов.

Отец работал на железной дороге, мама работала в карьере рабочей. Детей было трое, я младшая.

Беда в семью пришла раньше войны: арестовали в 1937 г. отца. В 1943 он умер в лагере, а в 1953 его реабилитировали.

Жили в деревне, когда началась война. Происходили бомбёжки, были разбиты дома. Люди прятались от бомбёжек в окопах. Из дома мы ушли в деревню к тёте. Потом нашли пустой дом, заселились в него, но вскоре немцы его оборудовали под госпиталь. Маме пришлось стирать бельё для раненых немецких солдат, я ей помогала.

Немцы были в нашей деревне 2 месяца. Ходили мы к ним на кухню, и нам давали еду.

В 1942 г. я уже работала в колхозе, потом перешла на кирпичный завод. Работа была очень тяжёлая. Ввели карточную систему, при которой пришлось потуже затянуть пояса. Выручали корова да овощи с огорода, За зерном в поле тайком ходили, собирали колоски, оставшиеся после уборки.

В 1947 устроилась на работу в райсобесе. Было тяжело, ходила пешком по деревням, транспорта не было.

В Тосненский район мы приехали в 1955 г. В п. Никольское сначала работала на заводе «Стройкерамика», затем на заводе «Сокол» и на ЛЗКИ по 2005г. Имею награду «Ветеран Труда».

Кислова Валентина Васильевна. Родилась 1 октября 1933 года в Новгородской области.

Закончила 7 классов и Тихвинское педучилище.

Отец, Бобов Василий Павлович, старший лейтенант, минометчик, воевал, комиссован из армии в феврале 1943 года по ранению и назначен директором совхоза «Свирь».

Мать, Бобова Татьяна Ивановна, рабочая совхоза «Свирь», многодетная, 8 детей.

Жили в совхозе «Свирь». Во время войны не учились, школы были закрыты. Открыли в 1944 году Ильинскую семилетнюю школу. Ходили в школу босиком, обувь было нечего. Присядешь, погреешь ноги на мешочке с книжками и дальше бежишь.

Первый раз мы увидели немецкие самолеты, целую тучу, у Старой Русы, и нас начали бомбить, Весь совхоз разбомбили: контору, дома, школу, скотный двор. Окровавленный скот лежал на нас, а мы прятались в канаву. Родителей в совхозе не было, они строили аэродром.

С семи лет начала работать в совхозе, я была бригадиром, растили целый гектар капусты. Немцы к нам с боями не пришли, их оставили наши войска. Потом целыми колоннами пленных гнали через наш совхоз. Один из немцев показывал на нашу мать и говорил: «Как-кая фрау тощая». Где же ей не быть «тощей»? Всю оккупацию есть было нечего. Однажды я пошла по берегу собирать «пестики»- молодой хвощ, чтобы накормить маленьких братишек. Шла я мимо бани, где мыли раненных матросов из госпиталя. Туда шла, ничего не было на дороге подозрительного, а обратно иду и вижу: у самой бани лежит громадная мина, а на ней куча хвороста и палок. Раздумывать не было времени, кто подложил, но я решила отнести мину подальше, чтобы моряков не взорвали. Маленькими шагами очень тяжелую мину я тащила. Принесла ее в совхоз, инвалиды-мужчины (их всего в совхозе было 3) взяли эту мину, уложили на реке на плотик из бревен и взорвали за совхозом. Взрыв был такой силы, что ставни пооткрывались и помахали от взрывной волны своими створками. За этот мой поступок меня наградили медалью «За оборону Ленинграда» и маленькими ручными часами.

После войны поступила в Тихвинское педучилище, закончила его в 1953 году и была направлена учительницей в Трубниковоборскую семилетнюю школу. Потом я поступила в пединститут на геофак, работала географом и математиком в школе. После чего в городе Никольское мне дали квартиру, и я работала в Никольской средней школе. Ушла на пенсию в 1985 году.

За свой труд награждена медалью «За доблестный труд».

Сейчас я на пенсии, живу со своими детьми, сыном и дочерью.

Крестьянцева (Дмитриева) Нина Андреевна, русская, год рождения 25.11.1938, п.Красный бор Тосненского района Ленинградской области.

Образование средне -техническое.

Родители: Дмитриева А.С., Дмитриев А.Д., оба до войны работали на Ижорском заводе.

Проживали в посёлке Красный бор, имели свой дом. В 1941 началась война , и в августе или сентябре немцы были в Красном бору. Они жили в нашем

доме, занимали его переднюю часть, а мы находились в в кухне и прихожей. В тот год зима началась очень рано, и мы вместе с семьёй маминого брата Николая на саночках поехали на родину отца в Великолукскую область. Всего детей у нас было 6 человек (1931,1935, 1937,1938, 1940 годов рождения) и четверо взрослых. Поезда уже не ходили, и папа с дядей на работу не попали, поехали с нами в деревню. Там тоже уже были немцы. Мы поселились в сторожке при церкви. Наши мужчины сразу ушли в партизаны, а мы, как семья партизан, числились у немцев на учёте.

Жильё приходилось менять: то в школе в какой-то маленькой комнате, то в подвале. В подвал немцы часто наведывались, искали какой-то «патефон» и кричали на наших матерей, что убьют и их, и нас, детей. Матери плакали, и их это очень злило.

Мы не играли, так как детей на улице не было, да игрушек тоже не имели. Я мало помню, но некоторые моменты врезались в память. Горела деревня, и люди шли с мешками и детьми к амбару. Там просидели всю ночь. Потом немцы собрали весь народ в одном месте и на глазах у всех повесили коммуниста. После пожара мы перебрались в другую деревню.

После ухода немцев наши родители работали в колхозе. Вскоре мы получили письмо от маминой сестры, где она сообщала, что они вернулись домой из Латвии, куда их угнали немцы, но жить негде, так как в Красном бору не осталось ни одного дома. Весь посёлок был заминирован, и даже поезда там не останавливались. Сестра поселилась в Саблино, где были целы дома, и приезжие занимали любой свободный дом. Мы сразу стали собираться. Добрались до какого-то маленького вокзала, где народу было битком. Здесь мы просидели целый месяц, не

могли уехать. Здесь же мы и услышали об окончании войны. Погода в тот день была хорошая, солнечная.

Уезжали домой на открытой платформе товарного состава, потом на какой-то станции пересели в вагон, где везли коров. Так до Саблина и добрались. Мама пошла работать на Ижорский завод. Послевоенный год был голодным. Мы, дети, собирали какую-то траву, щавель, в огородах росла лебеда. Помню, что мы ели отруби, которыми обычно кормили домашний скот.

В 1946 году приехал папа и тоже пошёл работать на Ижорский завод. В Саблино я закончила 2 класса. Весной 1948 года папа стал строить временку из брёвен, которыми были укреплены немецкие окопы. В этом же году и переехали в Красный бор, но школы там ещё не было, и я ходила в Саблино. Спустя год в Поповке построили школу, и там я закончила 7 класс.

Условия, в которых мы учились, были очень стеснённые. В классах было очень много учеников, мы сидели по трое за партой. В здании печное отопление не справлялось с зимними морозами, и мы сидели в пальто, а чернила в чернильнице замерзали. Классы освещались керосиновыми лампами. С 1953 года я перешла в десятилетку в Колпино, по окончании которой поступила в техникум. После первого курса мы с однокурсниками ездили на целину, в Павлодарский край, убирать урожай.

По окончании техникума работала на Ленинградских предприятиях, а с 1964 года жила в Никольском и трудилась до пенсии на Тосненских заводах.

Крупенко Екатерина Трофимовна, родилась в августе 1934 года. Мое детство прошло в оккупации. Почти 4 года я с мамой и двумя братьями прожила в глубоком немецком тылу. Видела своими глазами, как немцы въезжали на мотоциклах в наше село под Кировоградом. Моя детская память запечатлела цепи с медальонами в виде черепов на шеях эсэсовцев. Они врывались в наши дворы и дома и хозяйничали, забирая живность и продукты питания. Самым тяжелым моим воспоминанием является пожар отчего дома, который сгорел от бомбежки фашистской авиации. Каким-то чудом моей матери, Александре Ивановне, с тремя детьми удалось спастись. Последствия стресса от пережитых событий в дни оккупации остались во мне надолго.

Помню, как моя мама помогла скрыться двум партизанам. Один из них - тот, что выжил, пришел поблагодарить мою отважную маму. Видела и советских военнопленных, измученных и голодных, идущих в сопровождении немецкого конного конвоя. Практически на моих глазах расстреляли молоденького солдата, пытавшего бежать. Истребление евреев тоже не обошло меня стороной. Немцы буквально вылавливали каждого от мала до велика, сгоняли в лес и там расстреливали. Одного мальчика еврейской национальности спасла одна украинская женщина, выдав его за своего сына. Еще много эпизодов минувшей войны, словно кинохроника, всплывают в моей памяти.

Долгожданная победа ворвалась в село, казалось неожиданно - сколько было слез радости и ликования у селян после объявления окончания войны, наступления Дня Победы!

Я хорошо помню этот красивый и солнечный день, когда уже пышно цвели вишни! А вот отец мой с фронта так и не вернулся. О том, что он погиб, мама рассказала нам несколько позже.

Жизнь старшего поколения, как правило, делится на две части: до и после войны. В мирное время я закончила Новосибирский инженерно-строительный институт, и свою деятельность посвятила самой мирной профессии. Надо сказать, что и в школе, и институте я с большим удовольствием постигала точные науки. Видно, на роду мне было написано, после пережитого в войну разрушения, пожаров, быть в

авангарде отечественной строительной индустрии. С моим непосредственным участием, а я тогда была начальником участка, построены Ленинградский керамический завод, Дом дипломатов на Васильевском острове и множество жилых домов. В общей сложности 67 объектов, в т.ч. 14 домов в Колпине и поселке Никольское.

Сегодня пишу бизнес-идеи, легко ориентируюсь в пришедших на смену плановой экономике рыночных отношениях. Несмотря на возраст, я молода душой, полна энергии и творческих замыслов. Могу смело сказать, что «я и сегодня в строю».

Ваша юность осталась далёко,
На полях, в заводских корпусах...
Вас косили недуги до срока,
И глаза часто были в слезах.
Повенчала судьба с непокоем,
Да и горя хлебнули сполна.
В окаянное время лихое
Женихов отобрала война.
Всё снесли ваши плечи тугие,
Но согнулись под тяжестью лет.
И теперь нелегко вас, родные,
Уберечь от сегодняшних бед.
Ни похвал, ни наград вам не надо,
Вы всегда оптимизма полны.
...Были б дети любимые рядом,
Да не знали бы внуки войны.

Зоя Крылова

Реброва Эльвира Сергеевна родилась в 16 июня 1941 года в городе, где родился Александр Невский и Пётр Первый создавал свою потешную флотилию на озере Плещеево. Город называется Переяславль - Залесский.

По рассказам бабушки, во время войны над городом летали немецкие самолёты, и жители вынуждены были прятаться от бомбёжек. Недалеко

была Москва.

Кроме страха быть убитым, преследовал страх голодной смерти. Всё время хотелось есть. В пищу шла всевозможная трава: крапива, лебеда.

В 7 лет я пошла в первый класс. Учила нас Павлова Клавдия Васильевна. Очень нас она любила и относилась как к своим детям. Мы отвечали взаимностью, встречали по утрам и провожали после занятий. Даже собирать колоски ходили вместе, хоть за этот «промысел» можно было поплатиться свободой.

У меня не было портфеля, и я книги завязывала в головной платок, а чернильницу-непроливайку носила в мешочке. Учебники выдавались бесплатно, по окончании учёбы их сдавали в школьную библиотеку. При школе был участок, где мы копали грядки, сажали овощи, ухаживали за ними, а осенью собирали урожай. Осенью помогали колхозам управляться с урожаем. С 8 по 10 класс обучение было платным.

После окончания школы я пошла работать на швейную фабрику, затем трудилась на заводе «Новатор», откуда ушла на пенсию. В Никольском проживаю с 2002года.

Пенкина (Фёдорова) Мария Алексеевна, русская. Родилась 17.07.1934г. в д.Готовбужи Глобичского с/с/ского совета Ораниенбаумского район. Ленинградской области. Образование 8 классов. Отец -Федоров Алексей Васильевич и мать Ульяна Андреевна Фёдорова - крестьяне. Работали в колхозе. Отец председателем, а мать на сезонных работах. Детей было много - 6 человек. Мать умерла при родах до войны, когда мне было 5 лет.

Отец нас воспитывал один и, конечно же, ему помогала моя старшая сестра и тётя, папина сестра. В начале войны проживали в деревне, а потом ушли в лес, прихватив с собою корову, скрываясь от немцев. Они заняли нашу деревню. Мы очутились на передовой между двух огней. Затем нас Советские войска перевезли под бомбёжкой в д. Линдовщина того же района. Спустя примерно неделю нас эвакуировали в Новосибирскую область. И там мы проживали до окончания войны. Там я окончила 1 класс. Тетрадей не было, писали кто на чём. В школу ходили охотно, потому что нас кормили обедом. Книг не

было. На одну книгу распределялись 4 человека. Читали по очереди. Одежда была на вес золота, носили, что дома то и в школе. После окончания войны мы возвратились на Родину. Но домой мы не попали, так как все было заминировано. Нас определили в д. Слепино нашего района. В этой деревне школы не было. Ходили за три километра 4 км. в д. Медуши. Окончила 4 класса начальной школы. В 1950г у сестры родился ребенок, и я помогала нянчить племянницу, вечерами посещая школу. В вечерней школе я и закончила 8 классов.

Саблин Анатолий Иванович, 1938 год рождения, г. Ленинград.

Из города в июле месяце 1941 года началась эвакуация заводов на Урал. Мой отец работал на одном из них, и поэтому должен был сопровождать эшелон до места назначения. Разрешили забрать с собой всю семью. В пути товарный поезд, на котором мы ехали, начали бомбить немецкие самолёты. От разрывающихся бомб стало раскачивать вагоны, двери которых были открыты. В один из взрывов меня выбросило из вагона. Отец, по счастью, стоявший в тот момент у дверей, успел схватить меня за ногу и держал до тех пор, пока женщины, ехавшие с нами, не втащили нас в вагон. По рассказам родителей, я был перепуган, голова и руки окровавлены, так как меня тащило по железнодорожной насыпи. С тех пор я не разговаривал до самой школы, до 1945 года.

Отец ушёл на фронт, воевал под Москвой, был ранен, контужен. Семья всю войну проживала в Нижнем Тагиле, затем мы через Москву переехали в родной Ленинград. Я пошёл в школу. Очень стеснялся своей плохой речи, при разговоре заменял трудные слова на простые, или пропускал их, заикался.

Война оставила свой нездоровый след в нашей семье. В 1947 году от туберкулёза умирают брат и мама. Я с очаговой формой туберкулёза лечился в санатории Пушкина, где и учился. В 1951 году по рекомендации врачей переехал на Карельский перешеек к сестре. Здесь стал заниматься спортом, охотой, рыбалкой, старался находиться больше в сосновом бору. Природа помогала выздоравливать. От её красоты хо-

телось петь, что я и делал, желая тем самым излечиться от заикания.

После окончания школы поступил в училище, где получил профессию портного и механика швейного производства. Затем отслужил в армии, женился и переехал на новое место жительства в Тосненский район п. Ульяновку.

Трудился на предприятиях Тосненского района, был автором многих рационализаторских предложений, активно пропагандировал спорт, всегда находился в центре общественной работы, был коммунистом, награждён медалью «Ветеран труда», значком «Победитель социалистического соревнования».

Савельева Александра Алексеевна родилась (со слов её мамы) на вокзале города Кибартай ЛССР 23 сентября 1943 года. Мама родом из Великих Лук. Во время войны вся Великолукская область была захвачена немцами. Здесь они были жестоки с населением. Особенно рьяно расправлялись с жителями, замеченными

в связи с партизанами. Так всех, у кого кто-то из родных ушёл в леса, заводили в сарай и поджигали, а остальных жителей выстраивали вдоль сарая и заставляли смотреть, как их соседи сгорают заживо. После такой расправы молодёжь и детей с матерями угоняли в сторону Прибалтики. Так поступили с семьёй Александры. Пешком, а потом на поезде их доставили до Кёнингсберга, где они прожили до конца войны. «Когда взрослые работали, нас, ребятшек собирали в один барак, где мы находились до прихода родителей», - вспоминает Александра Алексеевна. - Работали взрослые по 12 - 16 часов. Во время работ надо было постоянно находиться в движении. если кто слабел и падал, его добивали плётками до смерти. Однажды я заболела и мама осталась со мной. Спустя немного времени в бараке появился немец (этот момент я хорошо помню) с плёткой в руках и закричал на маму: «Варум нихт арбайтен?» Мама ответила:»Киндер кранк». Тогда немец развернулся и ушёл. Мама такого не ожидала, она уже готовилась к худшему. Детям в лагере давали булку, молоко и шоколад, а взрослым воду и хлеб с опилками.

Так мы находились в изгнании, пока не объявили конец войне. Какие

- то военные (не наши, может, американцы) построили всех лагерников и сказали:»Кто в Россию - два шага вперёд, кто хочет остаться - стойте на месте». Мама со мной сразу шагнула вперёд.

Мы вернулись в Великие Луки, и там отыскался мой папа. Его после войны отправили на восстановление железных дорог в Эстонию, под город Пярну. Мы поехали с ним. Поселились в большом бараке, у каждой семьи была отдельная комната. Папе зарплату выдавали продуктами.

Однажды он принёс сундучок с конфетами «подушечками». Я так обрадовалась! Но утром в нём лежало только три конфетки...Мама сказала, что ночью приходила мышка и съела конфеты. Спустя несколько лет родители признались, что обменяли конфеты у эстонцев на хлеб, потому что папа так голодал, что стал опухать. Помню, как выкапывали мороженную картошку и пекли оладушки. Тогда это блюдо было очень вкусно. Эстонцы жили хуторами. для работы на ферме требовались люди, и мама нанялась на один хутор на работу. Хозяева кормили и маму, и меня. К осени обзавелись тёлочкой, и вскоре наша молодая коровушка стала помогать нам выживать.

В Эстонии прожили 6 лет, там я закончила 2 класса, научилась хорошо говорить по-эстонски, русский язык преподавался 2 раза в неделю.

Затем мы переехали в Тверскую область и началась жизнь, похожая на жизни моих сверстников: тяжёлая по-прежнему, но радостная и обнадёживающая.

Липатова (Гришина) Валентина Петровна, родилась в 1939 году в городе Пушкин (Ленинград). Образование средне -техническое. Родители: отец, Гришин Петр Дмитриевич, 1905 год рождения, рабочий, мать, Гриша Мария Ивановна, 1913 год рождения, рабочая. С нами проживала бабушка. Семья жила в общежитии.

Когда началась война, отец сразу ушел на фронт, а немцы появились у нас в сентябре 1941 года. Как только наступила зима, мы с мамой и бабушкой на санках поехали в Псковскую область. Остановились мы в деревне Окуловка Зареченского сельского совета. Здесь уже всю хозяйничали немцы. Мы заселились в какой-то дом, бабушка и мама стали работать на колхозном поле. Но ничего из того, что выращивалось, нам не доставалось: забирали немцы. А мы питались травой и

собранной на полях мороженой картошкой .

Помню такой случай. Нас, всю деревню, выстроили на площади, пошли искать доказательства того, что жители поддерживают связь с партизанами. Пока мы стояли на площади, в домах проверяли наличие оружия. Бабушка боялась, что нас не ждет ничего хорошего, боялась за нашу жизнь и тихонько отослала меня спрятаться в баню (баня находилась недалеко). Когда нас отпустили, и мы вернулись в свои дома, то обнаружили, что все дома обобраны и все продукты унесены.

В августе 1944 года мы приехали в Тосно. Сначала жили в частном доме, потом перебрались в здание кинотеатра (бывшем). Жили две семьи в одной комнате, позже мы купили дом на 2 семьи. В 1945 году вернулся отец, устроился работать сторожем и стал строить дом.

Отопление везде было печное, освещение - керосиновая лампа. В 1946 году семья наша увеличилась: родился мой брат. Для маленького ребенка давали кашу (горячую), а я ходила за этой кашей. За хлебом были очереди, поэтому мне приходилось вставать утром рано и заниматься очередь за хлебом.

В 1946 году я пошла в школу в Тосно, закончила 8 классов и пошла работать на Ижорский завод в город Колпино. Одновременно училась в Колпинском машиностроительном техникуме.

В 1960 году я вышла замуж и переехала в город Никольское (Тосненский район). С 1961 году работала на заводе ЛЗКИ до самой пенсии.

К современной жизни, с точки зрения советского человека, я отношусь с недоверием: нет возможности нашим детям получить квартиры, нереальным стало бесплатное образование, тревожит некачественное медицинское обслуживание. Мы жили бедно и голодно, но жили надеждой на лучшие времена. И они были в 60 - 80-е годы! Но случилась перестройка...

Паршина Антонина Михайловна, 1932 года рождения, уроженка Новгородской области.

Отец в первые дни войны ушёл на фронт, был ранен и умер в Ленинградском госпитале. Мать осталась с тремя детьми. Она работала в колхозе, и мы трудились вместе с ней на поле. Рядом с деревней располагался аэродром. Его постоянно бомбили. Ох, и натерпелись мы страха!

После войны все колхозники восстанавливали хозяйство страны.

Работала на восстановлении завода «Сокол». По-прежнему голодали. Приходилось есть гнилую картошку, лебеду, крапиву, лепёшки из липовых листьев. Дома обогревали «корчёвками» (выкорчеванные пни), таскали их на себе.

Всё ждала, когда буду жить лучше. Но все годы приходилось надрываться, чтобы жить на среднем уровне благосостояния.

Макаренко Мария Семеновна /Королёва/ Русская, 1939 года рождения, уроженка деревни Большая Сельменьга Нюксенского района Вологодской области.

Высшее образование.

Отец-Королёв Семён Иванович /1904 г.р./ Работал до ВО войны председатель Нюксенского сельпо. Ушёл на фронт, когда мне было 2 года. Не вернулся. По словам деревенских жителей был очень добрым, отзывчивым и глубоко порядочным человеком. Мать- Королёва Акулина Михайловна /1906 г.р./ училась мало, в семье была девятая, но закончила «Ликбез» и была грамотной. Во время войны заменяла председателя колхоза, затем категорически отказалась и работала в колхозе на разных работах. Мама была удивительным человеком: умная, мудрая, много знала, умела, в работе -первая «стахановка», очень уважаемая. Воспитывала нас двоих и помогала выжить двоим сиротам. Никогда ни с кем не ругалась и нам завещала вести себя культурно и идти «правым» путём. Жила 83 года и ушла из жизни в 1989 году. Самая светлая память осталась о ней не только у нас -дочерей, но и у всех её окружающих.

Безвыездно жили в родной любимой деревне Большой Сельменьге, в своём стареньком доме отца, вросшем в землю так, что окна равнялись с землёй, а крыша протекала. Бедность запомнилось невероятная, но на фоне других семей, жили не хуже других. Денег в ходу не было, но благодаря стойкости и большому трудолюбию мамы держали скотину и получали на складе понемногу муки на мамины трудодни и за потерю кормильца.

Мы с сестрой ходили в школу (правда я пошла в 1-й класс после войны), училась и во время войны, но учебников и учебных принад-

лежностей не было. Не было и света, поэтому пользовались лучиной. Писали на старых книгах или газетах между строчек. Учились в 2 смены не потому, что было много учеников, а потому, что было мало одежды, и одни ждали других, одевались и бежали на уроки. Нам повезло в том, что школа была в нашей деревне, а из других деревень ходили и за 3 км, и за 5. О первых днях войны я помнить ничего не могла, была мала. Немца мы не видели за всю войну ни одного. Нас не бомбили, только предупреждали, чтобы мы не зажигали огней и сидели тихо. В связи с сильной отдалённостью и глухотой в наши края фашисты не стремились и, кроме голода, мы не «хватали» ничего. На фронт из деревни ушло около 100 мужчин, а пришло 10, да и те инвалиды; много молодёжи и подростков увозили свои на рытьё окопов и другие работы. В деревне остались «стар» да «мал».

Все сельскохозяйственные работы пали на наши плечи. Моей сестре приходилось работать с 7 лет. За кусок хлеба она работала помощницей на пекарне. С утра до ночи носила воду, топила печь, мыла, убирала, уставала так, что приносили спящую домой, а она потом плакала и все равно шла на работу, отказаться было нельзя. Люди умирали с голода.

Нам приходилось после войны вывозить навоз на поле, целыми днями до захода солнца рвать лён, копать картошку, собирать колоски в поле. А как вспомнишь сенокос, так приходишь в ужас не от работы, а от овода и комаров. Животных кусали до крови. Бедные лошади, как им доставалось! Мы с мальчиками (те посмелее) ходили в ночное и пасли коров, лошадей, при этом была установлена очередь. Сушили в овинах снопы, потом цепями молотили, веяли зерно. В общем детства у нас не было, как могли восстанавливали хозяйство. Училась в Б-Сельменгском 7-летней школе, закончив её, в 14-летнем возрасте уехала в г. Кировск Мурманской области поступать в горный техникум, но не поступила и 3 года работала няней у очень хороших людей.

В 1957 году приехала в Никольское Тосненского района, работала на стройке рабочей 4 года. Жизнь не была безоблачной. Судьба кидала меня в разные стороны. Строительный трест перевели в Ленинград. Вышла за муж, уехала на Украину, родила сына, но с мужем пришлось расстаться, и я снова оказалась в Никольском. Алёше один год. Зима 1963 года, январь. Ни денег ни работы, а главное-подру-